

ция меня особо не коснулась. Я могла достать все, что мне захотелось.

Интерв'юер: *Было ли распространено явление спекуляции среди продавцов?*

Анна Ивановна: Взять, запрятать товар, а после пойти продать – нет! В моей практике такого не было. Никогда, никаким товаром не спекулировала, хоть и всю жизнь проработала в торговле. Я с ними – спекулянтами [2], не общалась. Я и сама такими делами не занималась – мы, торговые работники, называли их – «черные дела» [3]. Такой термин был в торговле, ассоциировался он со спекуляцией.

Интерв'юер: *Бабушка, и еще, можешь мне поведать о заработной плате и ценах в этот период?*

Анна Ивановна: Да, могу! У торговых работников была маленькая з/п – 60 рублей, а потом выросла до 120 рублей. 3.50 стоила

Додаткова інформація про респондента:

Прізвище, ім'я, по-батькові: Мосюк Анна Іванівна

Рік народження: 1948

Місце народження м. Калуш, Івано-Франківської обл.

Освіта: факультет товароведення продовольчих товарів Технікуму радянської торгівлі в М. Івано-Франківськ

сырокопченая колбаса, хорошего качества, 50 копеек – майонез, 55 копеек – сгущенка, холодильник – 270 рублей, кажется, «Артадзе», стиральная машинка – 97 гривен...ой ... т. е. рублей, стенка – 1000 рублей, спальня – 300 рублей, шуба импортная – 350 рублей. Это в 1972-м году. Все эти вещи невозможно было купить при такой з/п, поэтому, весь расчет был на беспроцентный кредит.

Примітки

Дефіцит – термін, що означає нестачу, недостатність у торговельній сфері.

Спекулянт – особа, яка купує щонебудь з метою перепродажу й отримання вигоди, а не для власного споживання.

Чорні справи – (розм.) спекуляція.

Місця роботи:

1970 – 1980 – адміністратор ресторану «Прикарпатський» (зараз ресторан «Астерія»), м. Калуш, Івано-Франківської обл.

1980 – 2010 – продавець в гастрономі № 21 м. Макіївка (з 1991 року – «Сузір'я», с 2010 року – реорганізовано).

з 2010 – на пенсії.

Новиченко Вероніка Анатоліївна: «Студенческие годы...»

АННА НОВИЧЕНКО

Новиченко Вероніка Анатоліївна, 1960 р.н., м.Запоріжжя, Україна; вчитель молодших класів, вихователь у гуртожитку. Тема: «Студентські роки в Радянському Союзі».

Интерв'юер: *Мам, я придумала тему: «Студенческие годы в Советском Союзе».*

Вероника Анатольевна: Да? (смеется)

Интерв'юер: *Да. Так что ты рассказывай все, что считаешь нужным – мне все интересно про студенческие годы. Я тебя перебивать не буду – ты... Ну, в общем,*

это твой рассказ. А потом, если что, я тебе позадаю вопросы.

Вероника Анатольевна: Угу. Студенческие годы... Ой, это, сразу как-то мне вспомнилась одна из моих школьных, ну, так, не сильно близких подруг, она в параллельном классе училась, ну, и наши

родители как-то дружили – на одном предприятии работали. Вот, поэтому как-то мы так с ней это, более-менее так общались, ну, достаточно, как бы, ну, чтобы считаться подругами, особенно в детстве там. Вот. И, вот, в школе в одной учились, вот.

А потом... И вот, что ещё: вот эта Лена, она была целеустремленной всегда. Я помню, что какая-то неуверенность у меня проскакивала в начальных классах, там, и до этого как-то, что вот она говорит: «Так...» Мы были в лагере с ней вместе, когда перешли в четвертый класс – значит, это в третьем классе, ну, после третьего класса в детском лагере «Звёздочка» были, вот. И она, значит, говорит (*выдыхает*): «Нам надо обязательно учиться на эти, на пятёрки, быть отличницами». Я говорю: «Ну, вот сейчас в начальной школе я отличница, но это ж, э-э, как нам все говорят там, что это более-менее легко ещё, а дальше может быть трудно, и мы можем, ну, не стать уже отличницами». Она говорит: «Как это? Нет. Всегда только отлично. Только на «отлично» я буду учиться, всё», это самое. Думаю, ну, какая уверенная, прям даже странно. Вот.

Ну, она действительно, она и в школе на «отлично» училась – поставила себе цель там, всё. Вот, и потом она, это, мечтала учиться только в Москве, вот, Институт стали и сплавов она там себе выбрала, вот. И, это, шла к своей цели, и вот она после 10-го класса поехала, поступила, там, сказала, что, ну, сказали, что на одни пятёрки там она экзамены подавала очень так уверенно всё это прошла, вот. Лена Туманова её звали. Вот. И, это мы в 78-ом году поступали, а в 80-ом у нас... а? (*улыбается: я подвигаю диктофон*) сейчас ближе сяду.

А в 80-ом была ж олимпиада в Москве – такое событие грандиозное общемирового значения, тогда тем более там для нас, это сейчас как-то уже не сильно так, другое немножко отношение. А тогда вообще эта Олимпиада – всё, это впервые в Москве, вообще, это всё, только по заграницам она была. Вот. И потом, значит, встречаемся мы уже летом 80-го, э-э.. ой, не летом. А уже ближе к осени, наверно уже, ну, олимпиада

уже прошла, вот. Я говорю: «Ой, Леночка, как ты там что, рассказывай», она говорит: «Ну, я же с первого курса поступила на курсы этого, немецкого языка». А мы ж в школе изучали немецкий язык – ну как говорится, в школьной программе. Вот. Ну, я так поняла, что там какие-то, какая-то система была вот этого обучения немецкому языку, ну, специальные курсы, не такие вот, как вот обычные там, э, как вот и в школе там тоже – не по такой системе, вот. Какое-то ускоренное. Ну, это она, значит, это у нас второй курс закончился как раз: я поехала в стройотряд [1], а она ж, со своим вот этим языком, с этими курсами – их прям там сформировали группы из них и отправили на эту олимпиаду. Вот, и она вела одну из групп немецких спортсменов. Или спортсменов, или болельщиков – я уже не помню. Нет... Ну, в общем, кого-то из немцев она там, с ними там работала. Вот. Уже, вот, за 2 года она настолько этот немецкий язык свободно могла общаться, вот, что, пожалуйста, она была гидом у них там и как этот, руководитель группы, что вот там, ну, всё на ней было там: куда им идти, где там селиться, всё это она там, вот. Посмотрите направо, посмотрите налево, вот, тут ещё (*улыбается*) тоже по Москве тут, и всё такое, в общем, ну, сопровождающая она всегда у них была.

Вот, это тоже мне так запомнилось, прям врезалось. Думаю, вот, какая молодец, прям и курсы эти замечательные интересные, потому что только после школьной программе знать, естественно, мы не могли, хоть на «пятёрки» и позаканчивали, и я получила «пятёрку». Вот, но общаться так свободно, конечно... ну, разве что переводить, ну, и читать текст так более-менее близко к нормальному произношению, вот, но... А она... Так что вот это Лена Туманова, мне так запомнилось тоже. Ну, так она в Москве осталась. Потом работать и... а потом как-то, особенно после того, как я замуж вышла, всё, уже, как бы, перестали держать связь и... Вот.

Ну а я училась – по тогдашним меркам это провинциальный город был, хоть и столица Марийской ССР, Йошкар-Ола. Вот,

ну... (*краткая пауза*) Свой отпечаток есть: в столице одно может быть там, не знаю, здесь другое. Вот. Более-менее у нас так тихо, спокойно всё было. Вот.

А! и первое, что вот меня как-то поразило: я шла в институт – я, почему-то всегда ждала большего чего-то, чем потом оказывалось. Вот. Когда я читала «Ромео и Джульетту» первый раз в 15 лет, я там тоже такое себе нарисовала: ну, Боже мой, это сейчас такое грандиозное! Потом – бац, когда прочитала всю эту историю до конца, думаю: это всё?.. Вот. Потом забросила эту книжку, года через 2 или т3 уже перечитала – там уже как-то, вот, по-другому уже восприняла.

Вот. И тут тоже думаю: ой, институт, – ну это всё!.. Это, там родители тоже ж рассказывали там, и бабушка Шура ж рассказывала сколько, мама моя, вот: ой, институтские годы – это то, это сё, это пятое-десятое там. Я себе такие по телевизионным этим всяким передачам и фильмам представляла, какие там залы такие мраморные там, это самое всё (смеётся), постаменты там, укрытия. Вот. Захожу в наш пединститут: обшарпанное всё какое-то такое, не это самое – ну, не то, что у меня было в мечтах, вот (*улыбается*). Какие-то вот эти лекции там тоже. Ну, что-то более-менее, что-то вообще не интересно – сижу, читаю «Анну Каренину» [2], меня, естественно, за это ругают там. Что-то пропускаю, ну, короче, это самое... Ой, думаю, Боже мой! Я ждала каких-то требований, каких-то таких, знаешь, к себе там, это самое – нет, ничего! Пропускаю, ну, правда, потом мне за это, за эти пропуски нагорело, но фактически я, так получилось, что я особо так ничего интересного для себя так и не пропустила. Вот.

Ну, было, конечно, и хорошее и интересное там. Значит... ну, как-то я так всегда, бабушка Шура меня приучила, что вот (ну, мама моя), к преподавателям подходить и спрашивать у них, что там, если что-то не понятно. Вот. Ну, и я как-то в школе это практиковала уже, вот, и потом в институте тоже как-то спрашивала, что не понятно, вот, или, вот, например, мне пре-

подавательница понравилась как-то, и я пришла, подошла сразу как-то ей так сказала комплимент, что, вот, мне понравилась Ваша лекция и вообще, вот, манера общаться там, всё такое, вот.

И вообще мне в институте, вот, я запомнила, ну, двух преподавателей, которые действительно, вот, на меня как-то повлияли и наложили отпечаток свой. Вот. Это преподаватель по психологии (вспоминает) Тут уже, не помню, как её зовут, честно говоря (*улыбается*). Ну, вспомню – скажу. Вот. И преподаватель по..., как это не странно, по анатомии и физиологии, э, детской – это, как (вспоминает) Елена Владимировна Сунгурова. Вот. Но, естественно, мне была ближе Елена Владимировна – я больше с ней как-то общалась, и больше она на меня оказала воздействие, чем, э, вот преподаватель по психологии, может быть, вот. Поэтому я её сейчас и вспомнила – вот как-то раз и вылетает Елена Владимировна Сунгурова, а вот по психологии хот... а, Наталья Сергеевна. Всё, вспомнила, Наталья Сергеевна. Морова. По психологии была. Вот.

Очень интересные они там каждая по своему была, вот. По психологии вот эта вот Наталья Сергеевна, она такая яркая была. Такая, как-то вот, ну вот, какой-то фейерверк вот какой-то немножко был такой, какой-то вот, энергия какая-то вот мощная была, энергетика какая-то там, всё. Она всегда там, какие-то у неё глаза горят, она что-то это самое, вот, м-м, такое рассказывает такое, то, что рассказывает, её тоже интересует, вообще, она там до всего доходит, до глубин, это, в своём деле там, по каждому вопросу там, какой там. Вот. Преподаёт и что там ей задают вопросы, она тоже там, если, как сказать, ещё не сильно она его ещё коснулась, м-м, может развивать там, вот, без всяких там этих, э, записей она вела эти, лекции, без всего там. Ну, вобщем, слушали её, открыв рот, эту Наталью Сергеевну, Морову, и всё..

И у меня были свои заковыки с психологией, ну, со своей душой, как-то, вот. Всякие комплексы: неполноценности и прочее там, страхи какие-то. И я именно

вот, что у нас психология будет и, тем более, такой сильный преподаватель, что я к ней подошла и говорю: «Мне надо с Вами поговорить, – (ну, в какой-то момент там, где-то через полгода после нашего этого, начала учёбы на первом курсе, вот) — Вы как психолог, что Вы можете мне посоветовать? Вот. Вот у меня такие вот проблемы – и в общении, и во всём там...» ну, вот. И какое у меня было разочарование, когда она ничего лучше не смогла посоветовать, как «окунуться в работу, научную, вот, я буду тебя курировать», там, такое.

Ну, в тот момент я ей поверила. Это потом я уже, как бы, когда уже там коснулась, э, этой работы и всё, она меня не увлекла эта работа нисколько, вот, потому что мне хотелось в первую очередь свои проблемы какие-то решить, а это вот, фактически она мне предложила просто заглушить мои проблемы, окунуться во что-то другое и просто не обращать внимания на свои проблемы – так, таким образом получилось, вот.

Поэтому я как-то разочаровалась и в психологии, и как-то немножко уже отдалась от этой Натальи Сергеевны. Но, э, вот эта наша небольшая там, как бы работа вот с ней всё-таки, как, ну, на протяжении какого-то времени я с ней работала, вот, над этой деятельностью там. Вот... это там что-то дало интересное мне. И главное, что она меня познакомила, э, с Ириной Бирюковой, которая была на курс старше (*вспоминает*) или на два... на курс, по моему, она была всего страшнее, нет, на 2 курса была старше, эта Елена, эта Ира Бирюкова. Вот, на 2 курса была старше меня.

И, вот, с ней мы очень потом подружались, с Ириной, и дружили, и ещё и замуж вышла – приезжали там вот с тобой, с маленькой, вот, и, это, заходили к ним в гости, вот. Это была одна из моих самых, э, близких подруг, вот, потом, вот, на протяжении многих лет. Вот. И, вот, это первый курс, и... я, честно говоря, уже сейчас не помню, это на первом курсе или на втором потом Ира вот эта, Бирюкова, ко мне подходит и говорит, это, «Вероника, есть две путёвки (или путёвка на двоих) там, в общем, в ла-

герь, этот, молодых вожатых, в Кострому». Это, получается, «Золотое кольцо» [3] вот это вот с древними рус... как вот это... круг городов. Вот. И, это, там какой-то молодёжный лагерь есть. Хотя, это было зимой. Я говорю: «Ну, как это: зимой в лагерь? Как-то я не привыкла». Летом в лагерь ездить (*смеется*), пионерские. Вот. Она, это, «ну это зимняя программа там, всё, там. Если хочешь – поехали, нет – значит, это, буду другого искать напарника». Вот. И по какой-то очень такой цене, ну что это через систему комсомола, вот, было, вот, эта путёвка льготная. Ну, я, естественно, тоже, ну, правда, поговорить с мамой, вот, как там что, если она не против. Ну, мама говорит: «Конечно, иди. Ты ж не девочка».

Вот и, вот мы с ней, с этой Ирой, поехали, э, в эту Кострому. В этот молодёжный лагерь, и вот это тоже было очень яркое впечатление, у меня было от студенческих лет: во-первых, сама поездка, то, что мы с ней вдвоём поехали. Вот. Она сама очень интересный человек, очень такой разносторонний, эта Ира, вот, очень глубокий. Вот. Она, это, с этой вот тоже Натальей Сергеевной, она там постоянно, на протяжении всех своих лет учёбы работала вот, э, научные работы там делала по психологии. Я как-то так одну там начала что-то делать и, по-моему, даже я её не закончила. Вот. Не, по-моему, а не завершила, честно говоря, потому что она мне как-то вот. А Ира, она прям всё это... делала, со скурпулёзностью, с энтузиазмом. Вот.

И одна из работ у неё была по теме, э, это, «Методика преподавания, э, Лысенковой», вот, учительницы из Москвы. Что у неё была своя методика, по которой очень быстро могла учить детей вообще, ну, ну, всему, вот всё по программе и даже больше – они там захватывали и пятый класс. И ученики потом шли, ну, как из пушки уже потом, как с трамплина с такого это, все остальные годы прям. И у неё не было в классе там двоишников там, отличников. У неё там отличники и хорошисты – всё там. Ну, были где-то троишники, ну, это там одна – две «тройки», вот, и то такие твёрдые, что потом у них «четвёрки» были вместо

этого (*улыбаётся*), вот, в более старших классах. Вот, что, ну, очень такая умница была. Вот. И по дороге в этот лагерь мы там выяснили раньше специально, вот, заехали в Москву, жили у родственников у каких-то ириных. Вот.

И ходили, по-моему, два дня к этой вот Лысенковой там. Вот. Ира подошла, а я как-то вообще тогда боялась с незнакомыми так как-то знакомиться, и всё так. Я смотрю, думаю, Боже мой, как вот она так вот свободно разговаривает, всё это, всё это. Неужели я тоже так через два года смогу? (*Смеётся*). Вот. Это думаю: вот, сейчас как выгонит, скажет, приехали не знаю откуда на урок это тут, ну или так как-то. Так сказала, что так говорит. Нет, учительница так восприняла, говорит: «Ну, в принципе, – говорит, – я привыкла и наш класс привык. Заходите». А у неё там уже сидело несколько человек, тоже, видимо, там с разных сторон поприезжали. А я ж думала, что это учителя из школы, сначала, вот. Ну, это там, э, смотрели, как она работает с классом там, вот эти все схемы, всё, что она использует, всё. В принципе, всё просто, просто она, как бы с этими, именно вот схема была у неё во главе вот этой её методики. Вот, что. И вот, например, она объясняет, что урок, сразу рисует схему на доске, вот, потом достаёт эту схему уже на плакате. И эта схема висит до тех пор, пока всё не усвоится. Вот. Ни на контрольных она ничего этого не убирала, вот. Естественно, там ни шпаргалок, ничего нет, но вот это вот, как шпаргалка, эта схема, вот, но, с другой стороны, если человек вообще не знает, не в курсе, он, ну, просто не будет знать, как её использовать, эту схему. А так, вот – пожалуйста. Вот. И, естественно, ученики...

И ещё одна из... было, что – опережение. Вот, проходят они тему, вот, и, чтобы сильным ученикам не было скучно, мы обычно там им на карточках давали задания из этой же темы – ну, вот, как бы, более расширенно, ну, подобное. Вот, а она уже сильным давала на карточках задание из тем, которые будут через две темы, например, там, ну, вперёд забегаю, как бы. Вот. Сильные решают на карточке, потом, зна-

чит, уже в конце урока там две минуты остаётся там до того, как итоги подвести, она вызывает их к доске и говорит: «Вот сейчас вот объясни, как писал этот пример – все записываем», вот. И это, ещё было, что сильные ученики сначала ведут, как, комментирование, вот. И вот он пишет: «Пишу то, пишу это», всё вобщем. Все, и класс успевает за ним: пока он написал, класс, дети, класс написал уже тоже – и слабые ученики, и не слабые там, все успевают за ним всё это записывать, вот. И, естественно, слабые сначала чисто машинально записывают, но что-то у них откладывается. Вот. А потом уже, пока до этой темы дошли они, через два урока или там, а некоторые, значит, она даёт с перспективой там, ну, смотря, какая тема, она её уже, как сказать, планирует и через десять уроков, например, там, что-то достаёт оттуда. Пока до этой темы дошли, эта тема такая трудная была, а она её всю заранее там, за много уроков уже начинает разрабатывать, вот. Дошли до этой темы – уже все дети решают. Вот. Из учебника уже все решают всё, вот, и такого у неё, говорит: «У меня уже давно такого нет, чтобы там, вообще... что-то.. там..». А мы с Ирой говорим: «Ой, смотрите, у Вас и эти постоянно ж сидят, Ваши коллеги». Она говорит: «Какие коллеги? Это тоже такие же люди как вы приехали, не знаю, откуда» (*смеётся*). Ну, в смысле, из других городов. Вот. «А мои коллеги нет». Вот. Ну, видимо, это я потом поняла, что зависть какая-то, ещё там что-то её на телевиденьи показывали не раз там, вот, какие-то передачи были, программы небольшие. Вот. И, видимо ж какая-то зависть у коллег. Она говорит: «Ну, вот, нет пророка в своём отечестве [4]. Ко мне, говорит, вообще ни ногой никто. Вот. И даже и вообще. Вот. Ну, говорит, ладно, ничего страшного...(*смеётся*) ну, а других, говорит, я, говорит, пожалуйста. Я такой человек...». Ну, действительно, такой человек вообще...

Вот. Это тоже я под впечатлением, что вот я побывала у такого корифея там у какого-то там в Москве – вообще это для меня что-то такое было это, м-м, вот. Так вот просто приехали и побывали на уроках,

многому научились, уже это заряд такой был хороший, вот, для меня как учителя будущего, вот. Тоже я много использовала – там, конечно, не в полном объёме, эту систему, ну, многое из неё брала. Моим ученикам уже было, конечно, в этом плане тоже лучше, чем другим, которые не коснулись этой системы Лысенковой.

Вот. И тут вот мы два дня пожили в Москве и побывали у Лысенковой, и потом поехали в этот лагерь. Зимний. Молодёжный. Тоже было интересно. Там каждый день свои были мероприятия интересные, всё, поездки, в Суздаль [5]. Тогда как раз, тоже я вот это запомнила, что этот, м, Герасимов [6], режисёр, снимал фильм, а, там «В начале славных лет» [7], по-моему... Ну, вообще, вот эта вот или трилогия, или больше серий там было, про Петра I. И перед этим вот, перед нашей поездкой там ещё было, э, вот, в Москве, ой, в «Комсомольской Правде» [8] там писали, а мы ж там постоянно читали там «Комсомолку», каждый день там, ну, и всё, (я ещё политинформатор была в группе тоже, всё это преподавала там, какие там события, и всё, и казалось, ну, как это газету не прочитать и все эти, ну, события, и разложить по полочкам, вот) и там, значит, был типа конкурса, что кто-то будет играть Петра I. Потому что у всех был, э, м-м, ну, как пример тот старый фильм ещё 30-х годов, где там в главной роли был Симонов [9], э, ну. Артист, артист, это, в роли Петра – такой яркий, такой прям, ну, действительно, такой, красавец, вот. В роли Меньшикова этот (*вспоминает*), ой, ну, ладно – вспомню, скажу. Да, Михаил Жаров [10], тоже такой популярнейший тогда был артист, и вообще. И вот этот фильм, он на протяжении двух десятилетий, он, ну, гремел, и, казалось бы, куда лучше ж, кто ж там может что-то лучше сделать (*смеется*), ну, настолько классный был фильм, вот на самом деле. Я и сейчас его с удовольствием смотрю, вот, хотя сейчас уже видно там какие-то погрешности. Но всё равно, интересный фильм, вот, и по содержанию, и по всему. Ну, именно историческое это так вот, исторически сделан, вот. Хотя, в нём с

какой-то и романтикой, что-то закамуфлировано было, вот, и реальность, и всё, ну...

И тут вот тоже, кто же будет играть Петра I? И там разные актёры там, ну, фотографии, и даже там некоторые свои фотографии стали слать, э, читатели «Комсомолки», вот. И один, значит, э-э, портрет был, что девушка там под Петра I загримировалась, всё: я тоже хочу играть Петра I, у меня получится (*смеется*). Ну, в общем, такой ажиотаж там был, вот, по этому поводу, что вот готовится к съёмкам этот фильм, вот. И мы тут как раз едем на экскурсию в Суздаль – это рядышком там, где Кострома [11], Суздаль. Вот. И это, м-м, видим эти возки, царские и вообще тех времен, э, лошади тут, стрельцы едут по Суздалью, вообще, на, э, ве-, э, верхом там, и так, и пешие идут эти войска – ой, думаю, как здорово и как интересно! (*Возбуждённо; радостно улыбается*). А, говорят, да, съёмки у нас уже начались фильма, вот этого, «Петр I». Ой, тоже прикоснулась как-то к этой истории, тоже, так интересно с этой стороны.

Вот. Ну, и там тоже, вот, побродили по этим монастырям там по всяким этим. И ещё хорошо, что там вот, Суздаль, например, ну, нет вот этих застроек, э, высоких. Там именно это как весь город и прилегающая местность, и это всё – это один большой заповедник исторический. Вот. И никаких застроек, которые бы были выше второго этажа или вот это, тот уровень, на котором последние дома были построены в 19 веке – и всё, выше не поднимались, а так там... и до этого там и фильмы часто исторические вот эти про [ст...вых] снимали, потому что там можно закамуфлировать вот эти вот постройки, жилые дома, или как-то их под старину сделать, что нет там ни высоток, ничего такого. Вот. Сплошные монастыри, э, звоны эти колокольные постоянно, вообще там что-то, вот эти, э-э. Там несколько монастырей, несколько церквей, вот всё это – ну, интересно. То ж я привыкла летом как-то ездить и всё. А тут вот именно вот как-то вот, равнина – за город выезжаем, там и равнина вот эта вот снежная там, лес вот тут невдалеке, всё вот это,

пейзажи такие красивые. И на фоне вот эти маковки церквей, на этом на всём фоне на белом, это. Ой, ну, красиво, здорово (*зати- хает*), грандиозность зданий монастырей огромных...

А, про монастыри там, что запомнила: один монастырь женский, другой мужской. И как-то они так, что-то их разделяло, эм, ну, расстояние довольно таки такое было, большое, вот. И, говорит, это, как гласит история, э вот, что в один прекрасный момент там, ну, может быть, их, э, э-это, из соображений безопасности, решили соединить эти монастыри подземным входом. Вот. Ну, женщины там с одной стороны, мужчины с другой. Говорит, как вы думаете, кто больше прорыл? Женщины больше прорыли, большую часть своего подземного хода (*улыбается*). Но он так и остался недостроенным там, по, тоже что-то были какие-то коллизии, всё это, перипетии. Вот. Ну, это просто так вспомнилось там.

Вот, так что вот так мы съездили в этот лагерь зимний-молодёжный интересно там, группа наша интересная была тоже, вот. Но, поскольку я очень такой человек была, как сказать, далёкий от искусства и от всего этого, от высту..., чтоб выступать на сцене – Боже мой, я лучше так что-то, что-то другое там поделаю, ещё там что-то, но на сцену как-то не, я... настолько страх какой-то у меня был, комплексы эти все. Вот. Но за других болела, в каких-то других конкурсах участвовала, там, где не надо было выступать (*голос слегка дрожит, затихает*).

Вот, и... вот... что там было такое ещё интересное? Что недалеко от нашего лагеря был этот, м-м, дом, детский дом. Вот. Для детей... без родителей (*тихо вздыхает*), которые воспитываются, растут (*вдыхает носом*). И от мероприятия там сказали, что, пожалуйста, вот, что мы сегодня наметили, что туда пойдём и построим там им какие-то снежные вот эти, фигуры. Во дворе горку сделаем снежную. Ну, это у нас, говорит, традиция такая. Мы каждый год вот такое делаем им, (*услугу*) там им небольшую оказываем. Вот. Другие смены там что-то другое делают, а мы, нам попало вот

снежное такое, вот... снежная сказка, короче. Вот. И пришли мы в этот детский дом. Сначала нам там показали, э, рисунки этих, детки спали там: мы пришли как раз это был тихий час, что у деток тихий час. Так что мы их там мало видели, вот. Но, что меня поразило там, из рассказа, из рассказов воспитателей, вот, которые с нами общались, вот, и маленькую экскурсию нам сделали, вот. Они говорят, что самое такое, трагическое... этот... что дети нашей, нашего детдома, ну, единицы, которые в жизни находят себя (*голос дрожит*). Э, так, по большому счёту, по нормальному счёту, так скажем, вот. Э, а многие повторяют судьбу своих родителей, и своих детей приносят сюда, рожают и приносят сюда на воспитание, всё.

Вот. Меня это настолько поразило, потому что у меня тоже было киношное какое-то и книжное такое восприятие. Ну, а книги что? Ну, Макаренко [12], ну, самое лучшее, что, что было тогда, что я читала. И вот, (*смеется*) и только потом до меня стало доходить, и вот особенно вот этот случай, что Макаренко – это... А? (на заднем плане Ира, моя сестра) это идеал. Макаренко – это идеал, который, ну, вот, сам себя сделал, сам всё это пробил, всё, и в 50 лет ушёл из жизни не случайно, потому что, эм, это такой был труд с его стороны, чтоб вот так вот было в его этих... интернатах, в которых он работал, вот. Чтоб дети так вот были, чтоб такая система вот работала его, вот. Всё это давалось очень огромным трудом, так что... в основном всё совсем не так. Вот. Как-то, ну, так обыденно всё, и... детей учат-растят, а вот что-то, видимо, такое вот упускают и... такая вот получается трагедия в жизни...

Вот. Но светлый момент был то, что вот мы там строили, как-то так, эти, все молодые там, все задорные там, девчонки, парни. Вот. А, пешком туда шли из нашего лагеря там тоже по дороге там балдели это, м-м, как-то общались, веселились, в снежки играли, вот. Там пришли – тоже давай строить эти ж: кто горку, кто, эм, я, помоему, медведя там какого-то там, ну в той группе, которая медведя там строила. На-

кладывали там эту, гору снега, вот, поливали её тут же, ну, шланг притянули, вот. Всё это лопатами там, всё это выравнивали. Кто-то уже морду делал, кто там лапы там вырисовывает всё это, ну, в общем, здорово. Там с горки говорили, ну, что, там можно будет уже кататься? Там мороз такой, хороший был, в тот день.

Действительно: пока мы там всё это слепили, залили водой, потом, значит, пошли, э-э, погрелись, нам там всё рассказали, э это, побеседовали, вышли – с горки уже можно было кататься, в принципе (*улыбается*). Вот. Ещё немножко и... Ну, и фигуры все остальные тоже там хорошие, красивые, всё застыло.

Вот. И к на..., именно с нашей группой, э-э, работал этот, детский писатель Анатолий Алексин [13]. Мы все знали, что он там живёт в нашем лагере, но как-то, старались ему не докучать, потому что приехал тоже отдохнуть. Вот. Он там с нами провёл какую-то беседу, м-, типа пресс-конференции – не конференции, ну, в общем так, для желающих там. Ну, желающих полный зал, естественно, был, вот, потому что живой писатель – ты что! (*смеется*). В те времена это такая редкость была. Вот, что так вот встретиться просто, поговорить – интересно. Вот. А тут ещё он пошёл с нами на это мероприятие и ещё и в нашей группе оказался. Вот. И, я не знаю, чего я там ожидала от писателя (*смеется*), вот, но мне очень понравилось, что он какой-то такой простой, вот, небольшого роста и какой-то такой очень добрый. Вообще, очень добрый, вот – ну, по крайней мере мне тогда так показалось, вот, не знаю, как на самом деле человек, но тогда настолько вот он как-то светился добротой, вот, глаза и всё это, вот... Там мы ему тоже не докучали никакими – ну, просто вместе работали там, какие-то такие реплики отдельные и всё, вот. И он там тоже с энтузиазмом там что-то там грёб, вырисовывал там что-то. Тоже вот это вот запомнилось тоже, вот, с Анатолием Алексиним – один из любимых моих писателей и по сей день, вот. И до этого, и после этого я очень много его читала, раз-

ных, это, книг и... Ну, в общем, здорово, это мне очень понравилось.

Вот это так мы съездили в этот лагерь с моей.. И вот именно здесь вот мы с ней как-то сдружились, с Ириной, потому что очень плотно общались постоянно, и так как-то очень много точек соприкосновения нашли. Вот, что потом и она ко мне в гости ходила домой там, и я к ней ходила там на разные и праздники, и в будни, ну, в общем, постоянно мы с ней общались и очень сильно так это... близко общались. Иногда даже я и с ночёвкой к ней заваливала. Вот. И мы так с ней тогда, ну, перед выходными, естественно, вот, и мы с ней значит, м-м, то смотрели, если там что-то фильм интересный был – смотрели, а иногда ничего не смотрели – просто вот, ну, общались. Просто общались там, по книгам там, м-м, начинали там, э, с какой-то вот этой, ну, по психологии, может, тоже что-то, вот, или по книге по какой-то. Вот. А потом на все темы там, в общем, всё. Потом спохватывались, что всё, уже ночь, мы опять есть хотим – вроде как плотно поужинали, уже ну куда же – опять есть хотим. (*Смеется*). Пробирались на кухню, чтоб никого не разбудить тут, в этой маленькой двухкомнатной квартирке тоже. Там ещё бабушка и мама, в общем, у неё, короче, вместе жили. Там грели чай, ели там булочки, пирожки и ещё там что-то, вот. Всё такое вкусное это было (*улыбается*), хотя и не самое главное, потому что ели, снова общались там, вобщем, вот. Потом, в конце-концов, она говорит: «Так, нам надо хоть немножко поспать». «Хорошо,» – всё, пошли (*смеется*), хоть немножко надо поспать. Вот. Ещё лежали потом там: то она там что-нибудь скажет, то я там, вот, и засыпали уже не знаю когда. Это было редко, но было.

Вот. Потом я знаю, что вот в студенческие годы, помню, я завидовала тем девочкам, которые жили в общежитии. Вот. Я как-то немножко жалела, э, ну, временами, что я не уехала из Йошкар-Олы, например, в Москву, как Лена Туманова, вот. Осталась здесь. И что я вот всей полноты студенческой жизни так и не

прочувствую. И поэтому, вот, там тоже позна, подружилась там с несколькими девочками из нашей группы, как-то более-менее так поближе, вот, и с ними, значит, в общежитии тоже там, м-м, несколько, ну, так, периодически ночевала там у них в комнате, вот, чтобы хоть как-то окунуться в эту (*улыбается*) студенческую эту общежитскую жизнь, вот.

И потом, значит, когда эти девочки по очереди стали выходить замуж, э, там, естественно, у всех у них я на свадьбах побывала. Ну, кто вот в институтские времена вышел замуж. Три. Три из нашей компании, три девочки, а две потом уже вышли, после института, но я тогда работала уже в этом, в Верещагино, Пермская область, и поэтому уже к ним на свадьбу я не попала, просто так поздравила, открыткой там. Вот. Переписывались там после института с ними тоже, продолжительное довольно время, а потом как-то так оно всё само собой на нет сошло, но всё равно так, светлое такое чувство хорошее осталось, вот... эта дружба, всё...

Ну, в принципе потом я так... перестала жалеть, что я никуда не ехала. Думаю, тогда бы я с ними не познакомилась, да? И с этими преподавательницами, э-м, которые мне очень нравились – вот эта Наталья Сергеевна и Елена Владимировна, вот. Ну, про Наталью Сергеевну я немножко рассказала, а Елена Владимировна, вот, она такая... совсем другого стиля человек была, она, чем Наталья Сергеевна. Она такая не громкая, не шумная, вот, но такая очень тоже умная, начитанная, вот, и вот добрая, какая-то доброта такая вот у неё, вот, и в то же время вот сила воли очень чувствовалась такая сильная. И вот, она такая красивая была, э, вообще вот, м-м, ну, м, действительно вот такая... ну, необычной такой внешности какой-то, вот. Хотя она потом сказала, что она, э-это, по национальности мари [14], вот, но очень красивая, м, таких я ещё там не встречала. И причёска вот у неё всегда... то ж как-то другие преподавательницы, они или коротко стриглись, или там меняли причёски, там цвет волос, всё, а в ней вот я как-то, сначала не обращала внимания, а

потом вот как-то, э, подумала, что вот хорошо, что она не меняет причёску, вот у неё какая-то одна своя причёска была – длинные волосы, и вот она их как-то красиво укладывала на голове, вот, и всё время вот именно с такой причёской ходила, вот. Одевалась всегда красиво там, в разное всегда, всё это, вот, а причёску неизменной она оставляла, всё, это у неё. И вот это вот какой-то имидж какой-то у неё был такой вот, м-м, чем-то напоминала женщин из XIX века, вот такие вот на ней прекрасно бы тоже вот такое вот платье, вот какая-то, э, смотрелось бы, вот, и такая вот у неё манера такая вот была, такая, м-м... Ну, красивая, в общем, женщина такая вообще это. Осанка такая. И в то же время она, это, при этой осанке, она не свысока смотрела, а вот очень тоже душевно так умела общаться, э, ну, и строго могла сказать там, если что надо было, вот. Очень такая она, интересная, вот... женщина... вообще, супер, вот. Женственность в ней вот очень сильная такая была, мощная, такая женственность, вообще... Вот.

И, не смотря на то, что она не главный предмет вела, далеко не главный в нашей этой самой, вот, но все мы всегда ходили на её все уроки, вот, э-м, на лекции, на семинары там на все вот эти вот, коллоквиумы на её вот эти, вот. Никто ничего никогда не пропускал и, сидели...

Потом, значит, м, как-то она так сказала, что вот она работает, э, у нас в институте у неё часы есть преподавания, ну, я думала, что только в нашем институте, и вот это я впервые встретила человека, который работал на нескольких работах сразу. Она говорила: «Ну, если бы у меня не было аллергии на лекарства на какие-то, вот, я бы так хирургом и осталась». Она, вообще она хирург, по своей профессии, но не могла работать хирургом с какого-то момента, вот, из-за вот этой аллергии на лекарства. Вот. Но, чтоб совсем не уходить из профессии, она ещё работала в травмпункте – у неё были там дежурства, э-э, вечерние, ночные, вот. И, кроме этого, она ещё в какой-то лаборатории, э-э-э, ну, научные какие-то работы у неё там тоже были, вот,

э-э, делала... вот, Но в лаборатории практически, говорит, я там ничего не получаю, ну там, может, когда там что-то, вот. Там чисто на энтузиазме. Вот. Хочется просто научное что-то делать и... помогать другим тоже, вот, ребятам, как-то там... Это же она там как бы и для себя, и как руководитель там тоже в какой-то степени там для кого-то там была.

Вот. И, думаю. Вот, какой человек – Боже мой! И вот это у неё э-э потом я попала к ней домой, вот, она меня пригласила там. Также были интересные обстоятельства, вот, что она... Я смотрю, эти вот, э... Тогда не было вот таких бумажек отдельных, она сама их нарезала, вот, часто для записок там, вот эти вот, в разных форматах там: и маленькие, и малюсенькие, и всякие. Она там сама их нарезала вот эти вот, и смотрю там, висит у неё прям на стенке там, припиленные, специально там у неё место такое было. Вот, говорю: «А это что такое?» – «Это чтоб не забыть! Это то, это сё, (улыбается) а то, говорит, вылетает когда там чего». Вот.

Кроме этого она ещё немецкий язык это, э, совершенствовала свой, потому что сестра у неё замужем была за немцем, вот, она часто ездила к ним в Германию. Ну, не часто, но, как, регулярно. Каждый год была у них в гостях, вот. Ей хотелось именно самой общаться, чтобы не через сестру там, а, ну, именно самой вот она... С преподавателем с нашим институтским она, м, по немецкому языку занималась там, вот. И дружили они, и там.. тоже вот как-то так я попала один раз, что... к ней домой – и преподавательница там у неё эта была, вот, по немецкому языку... И они общались вот между собой по-немецки. Если что-то надо – это они как бы так вот, м, такую фишку сделали, что... чтобы вот это, постоянно совершенствование речевого немецкого языка разговорного было у них... Вот.

И я, честно говоря, думала, что ей нет тридцати, вот, и когда я узнала, что ей 38 – а для меня тогда это было вообще за пределами возраст, вот, в моём воображении. Дамаю, о-ой, надо же, никогда бы не подумала – так молодо выглядела она,

действительно, что вот, не дашь тридцати, вот. Моложавая такая, всё, а у неё дочке уже было 14 лет на тот момент... вот... Так что, говорит, нет, я и дочку не сильно молодая родила там, ну, не юная там, и всё. Ну, в общем... так вот.

А как я более близко с ней стала общаться, вот, мне вообще, у меня мечты такие были, что как-то с ней вот поговорить, что вот, чем-то поделиться вот, ну-у, вопросы ей свои как-то, может быть задавать, может она ответит мне на них наконец-то. Может, это тот человек, который наконец-то (улыбается) мне поможет, вот, на мои вопросы ответить. И, э-это... ну, пока я так мечтала, вот, одна из моих, э, ну так, не сильно близких подруг по группе, ну, так, мы более близко, так скажем, общались, чем просто э-э.. соученицы, вот. И эта Оля как-то говорит, что, э, что она, ей очень захотелось пообщаться тоже (смеется), с Еленой Владимировной, и она прям пришла к ней в травмпункт. Вот. И как раз у Елены Владимировны был перерыв, на тот момент, вот, что не было пациентов, и они так попили чайку, поговорили, потом она ушла домой. Вот.

Ой – всё! у меня прям зависть, перехлестнула сразу. Думаю: та-ак, я хотела, кто-то там меня опередил. (Смеётся). Но, с другой стороны, я благодарна в тот момент была Оле, думаю, ну, действительно, чё бы и в травмпункт не прийти, потому что здесь ей некогда, естественно, и мне тоже – ну, эти, лекции там, всё такое... вот. В институте. После института она там бежит в лабораторию, а травмпункт – это очень хорошее место. (Смеется). Ну, и я, недолго думая, на той же самой неделе сообщила, это, маме, что я к девчонкам в общежитие иду ночевать, а сама ж пошла в травмпункт. Вот.

Ну, там была небольшая вроде очередь такая. Ну, я сижу и жду. Вот. Ну, там же очередь, как сказать, э, прибывает, постоянно кто-то там приезжает, вот э и... К тому моменту, как Елена Владимировна уже вышла из кабинета и никого уже не осталось из пациентов в коридоре – уже, э, не знаю, где-то был, было, наверное, уже

одиннадцать часов – полдвенадцатого так уже, ночи было. А я приехала, наверное, часов... в 6 или в 7 вот так вот, около семи, в этом пределе. Вот это я точно помню, как я сидела, чтоб вот дожидаться. (*Улыбается*). Думаю, ну вот-вот, вот-вот, может перерыв там объявит уже жду... – не, до конца, досидела. Вот. Елена Владимировна вышла – я так радостно ей кинулась навстречу. (*Улыбается*). Она так: «Ой, Вероника! Что с тобой случилось? Что у тебя это?..». Я говорю: «Со мной ничего, я не пациент, говорю (*улыбается*), я по другому вопросу. Я, я вот это самое, Оля сказала, что она вот тут к Вам пришла и у Вас было время поговорить – и мне тоже так хочется с вами поговорить и там, в общем, поделиться с Вами, потому что я ни с кем больше не могу, вот, м-м, поговорить, вот, а Вы такой человек..». Она так на меня посмотрела на меня, говорит: «Вероника, зай, мы сейчас идём спать. Вот. Потому что в любой момент к нам могут опять приехать кто-то, а завтра ж мне в институт, вот. И у вас занятия там, и у других курсов тоже там. Вот. Так что, – говорит, – ничего не получится сегодня. Едь домой. Вот. И как ты сейчас домой поедешь? Может, останешься здесь тогда, ночевать... ну, в общем как.. какой-то тебе там, будем искать раскладушку или ещё что-то, вот, потому что места ж ограничены – для персонала». Я говорю: «Елена Владимировна, не волнуйтесь. Вот. Ничего страшного. Доеду домой» вот.

Сама вышла. Город пустой. Я не привыкла к этому (*смеётся*), в такое время шататься по улицам – страшно было. (*Улыбается*). Вот. С другой стороны, вот, до этого у меня такое какое-то безраз... безразличие уже к собственной жизни было, вот, вот думаю, Боже мой, ну, хоть бы что-нибудь случилось там. Я вообще удивляюсь, как я не нарвалась ни на что – это вот просто сильный у меня ангел-хранитель какой-то был. Вот. Что другие, э, как вот у девчонок там было, что выхожу из общежития, вот, от них, они тоже говорят: «Ой, что-то поздновато уже и темно» – ну, это глубокой осенью было, э, тот случай, что сейчас говорю, про девчонок. Вот. Я гово-

рю: «Ой, ничего со мной не случится, э-это... ну, и пошла ж домой. Дошла, всё нормально, всё хорошо. Вот. А на следующее утро только захожу в это, ну, на, на эти, на пары – ко мне бросаются мои подружки, говорят:

– Вероника! С тобой ничего не случилось? Как ты дошла там? Вообще что это самое..?

Я говорю:

– Пф (*недоумённо*), всё хорошо, – говорю (*улыбается*). – Что там могло со мной случиться?

– Ну ты ж в такую темень вышла, всё это самое..

– «М, ничё не случилось.

– «Ой, – говорит, – ты вышла, несколько минут прошло – там такие вопли пошли на улице! А мы ж боимся выйти, боимся выглянуть, что там случилось! Потом уже там, э, с кем-то там что-то это самое... ну, в общем, так и не поняли, что это было. Ну, в общем, типа там на девчёнку на какую-то напали – мы уже боялись, что это с тобой, потом до утра не могли толком заснуть (*улыбается*) – всё говорили за тебя, что сразу не вышли, э, кто-то там напал, утащил там куда-то, а мы даже ничего не сделали, чтоб тебя спасти...

Я говорю:

– Со мной вообще ничего.

Ну, то есть, вот, как-то так всё оно было.

Ну, так и в этот раз тоже я доехала спокойно домой, хотя, вот, такой мандраж был лёгкий. Приехала домой – через весь город это было дело, хоть город и не сильно большой по каким-то там другим параметрам, вот, но, уже... Час добиралась там, на троллейбусах, на двух, вот. Когда я стучалась домой – потому что не смогла открыть двери там, этот... всунуть ключ там, всё... – бабушку Шуру тут трошки это, напугала (*смеётся*). Она говорит: «Что такое? Ты ж сказала ночевать там будешь?». Говорю: «Ой, мам, ладно это». Что я так совсем не беспокоилась. Я сама думала, что я до утра там зависну, ну, э, это.. (что-то сказала Ира) Ага (в ответ). Вот. Ну, в общем, я к преподавате... Ну, в общем, и рассказала всю правду, всё как было, вот. Она говорит: «А

зачем? Что ты там хотела, э, с ней поговорить, о чем?». Я говорю: «Мам, ну, на такие темы... вот.. которые... я тебя уже спрашивала, задавала тебе этот вопрос, а ты, м-м, ответила по-своему. Ну, у меня как бы... ничем не помогло это. Вот. И вообще мне кажется, это, вот... ты уже всему меня научила, чему могла. Вот. Теперь мне надо как-то других людей искать что-то это самое». (*Бормочет*).

Ну, вообще. Сейчас я понимаю, конечно, что это жестоко было с моей стороны, ну... юность вообще жестокая по отношению к своим... (*секундная пауза*) предшественникам и... к своим родителям, и... вот. Как-то так у нас сложилось в нашей цивилизации...(*Секундная пауза, покашливание*) Вот. И, бабушка Шура, конечно, обиделась, вот, ну...

Эта моя поездка имела продолжением то, что Елена Владимировна на следующий день там или через день сама ко мне подошла и говорит: «Ну, в общем, это, я выберу время, когда я смогу, вот, и мы с тобой поговорим. И когда ты сможешь там, время, с тобой мы встретимся и поговорим». (что такое там у тебя?) Вот.

И, это... и потом как-то через время – ну, как, может недель несколько недель прошло, не знаю там. Ну, вот она подходит снова ко мне и говорит, что вот: «Ну, приезжай ко мне. Вот мой адрес. Вот. Потому что здесь, где мы там с тобой уединимся? Как-то это уже не то – приезжай ко мне». В общем, пригласила меня к себе домой. Вот. И я в назначенное время приехала к ней. С цветами. Она: «Ой, (*смеётся*) Вероника! С цветами?» Это было уже весной, уже были цветы. И как-то и потом тоже, когда я когда бы я её ни встречала, вот, ну и так вот, как сказать, и домой к ней – всегда старалась какие-то цветы, если был сезон, потому что вне сезона они конечно были и сильно дорогие и ре... ну., ре... трудно было их достать, короче. Зимой, например, вообще было. Это сейчас намного проще. Вот. (*Пауза*)

И вот мы там с ней говорили, э-э, разговаривали. В основном как-то она больше говорила, вот. И... Те вопросы, которые я

там, э, старалась, ну там, задавала ей, ну, «в чем смысл жизни?» там. Что-то говорит говорю я не вижу там (*бормочет*) Она говорит: «Ну, вот, всё что я сейчас тебе скажу, покажется, ну, каким-то, может быть, мелким там, каким-то не интересным, вот. Ничего тебе нового не могу сказать, э, всё то же самое, что ты слышала, наверное, уже не раз, что выйти замуж там, дети, всё, это всё прекрасно вот, всё, ну... вот. Ты так на меня смотришь, с такой надеждой с какой-то, вот. Я понимаю, что ты чего-то такого ждёшь от меня, хм, небывалого чего-то (*улыбается*). Ну, я, говорит, честно тебе скажу, что вот, ну не могу я тебе ничего такого... такого, чего ты ждёшь, ничего тебе не могу.. сказать и... вот. Только то, что это...»

Ну, м-м, всё равно вот как-то вот в процессе вот её монолога тоже вот я для себя что-то много почер... почерпнула очень интересно там. Она об интересных книгах рассказывала. Поскольку она сама такой человек, она общается с такими людьми тоже, вот. Рассказывала там, уже в те времена там, э, среди её друзей её были такие люди, которые вообще вот именно телевизор из дома вообще, принципиально... вот. Никакого телевиденья, ничего там. Вот. Тоже. Питались натурально и... это (*короткая пауза*) э, путешествовали много, вот, и... Ну, в общем, интересно. Вот, как-то послушать её было очень интересно. Вот. Сама тоже она ездила так хорошо: и по работе, и просто так... что интересно было попутешествовать там, мир посмотреть. Хотя мир посмотреть тогда было, как сказать, трудновато, но она говорит, даже в пределах Советского Союза есть многое такое, что... это ж 15 стран фактически, у нас, говорит, объединены вот в одну страну – вообще, это уникальное, это что-то, всё это, вот. Ну, то есть всё равно вот как-то вот взгляды какие-то, какое-то вот окно она всё равно мне такое широкое распахнала... вот... что-то интересное...(*Голос дрожит*).

Вот. Потом, сама обстановка тоже её дома интересная такая была. Что, она на пианино тоже играла. Говорит: «Ну, мои родители дали мне всё, конечно, м, нам с

сестрой, говорит. Ну, ну, всё, что могли, они всё нам предоставили там. И, была эта, и школа музыкальная, вот, и, там, ещё какие-то были эти, спортивные какие-то были эти, эм, э, кружки и школы, что, в принципе, говорит... И села тут же там что-то сыграла такое, говорит: «Ну, это, конечно, я так уже играю, так вот, ну, для себя, вот. Ну, иногда там, если мои гости меня там что-то просят там сыграть. Вообще я, говорит, понимаю, что я уже не так играю, как надо, вот, ну». Я говорю: «Да Вы что! Вы здорово играете!» там. (*Улыбается*). Она, ну это, говорит: «Это уже, на уровне любительском, но, тем не менее, так иногда сядешь что-то поперебирать, интересно, клавиши... или что-то любимое своё там сыграть. Просто для себя, потому что когда кто-то меня слушает, я уже напрягаюсь, потому что знаю, что я не так играю, как надо». Ну, то есть, тоже вот человек такой вот, с комплексом отличницы... Вот, что... всегда стремление к какому-то идеалу такому и всё.

Вот. И как-то вот мы с ней потом общались тоже вот. Она ещё потом меня, как сказать, ну, изредка, но приглашала так тоже к себе. Вот. И, мы так с ней общались, в общем... Ну, много она мне, м, дала. Я даже сразу не поняла, насколько много. (*Голос дрожит*). Вот. Умничка такая..

Потом как бы, пользуясь её информацией, то, что я от неё слышала и как бы вот просто вот вбирала её себе, в её доме, вот, она потом как бы во мне продолжала работать. Тоже много там, помогла там, в жизни и (шморгнула носом) там я там что-то изменила, вот, обогатилась, много что-то открыла во мне. Вот.

Потом, значит, она... что.. А! она говорит. У неё там очень много было разных вот светильников и разных фасонов. «Вы коллекционируете?» Она говорит: «Ну, к коллекционерам я не отношусь, вот, а просто люблю вот разные светильники. И мои друзья все это знают, и родственники, и, конечно, там, частенько мне дарят». Там вот, лампы вот такие, то настольные, то бра там, то какие-то, там, в старинном, э, м, как стиле типа фо... ну, вот такой вот минифо-

нарик такой вот, уличный тоже. Ну, бра, но в таком вот виде. Ой, чё там только не было там, м, и в виде свечей, э, и, ну, такое вот. А вообще, говорит, она говорит, что она любит, эти, самодельные свечи на Новый год. Я говорю «Как самодельные?» (*Шморгает носом*) Она говорит: «Ну так. Берёшь свечку, самую обыкновенную, вот, пар, парафиновую. Вот, это... белую, простую самую, хозяйственную. Берёшь какой-то сосуд любой, э, не нужный, ставишь её там, укрепляешь каким-то образом там, ну в общем, это самое. Вот. Можно наполнить этот сосуд, или так, чтобы, ну, как страховка, чтоб свеча не колыхалась там. Вот. Потом набирая, набираешь целую кучу цветных свечей (Ну, в те времена цветные свечи тоже были редкость, вот. Она привозила из своих поездок там... из заграничных и из Москвы, вот... ну, потом вот, когда мы с ней поговорили, через некоторое время я стала обращать внимание – может, просто я не обращала внимание, конечно, вот, э, что цветные свечи стали появляться как-то всё больше и разных цветов, вот) и всё, говорит, зажигаешь эту цветную свечку и начинаешь капать просто сверху, на этот сосуд. Вот. И так накапывают». А я ещё увидела у неё вот эти вот, э, такие необычные свечи, такой разной формы, толщины там, всё. Говорю: «Ой, какие у Вас интересные вот это, я такого никогда не видела», она говорит: «Ну, вот это вот самодельные свечи» вот. Потом она мне рассказала, как они делаются. Вот. Это, говорит, конечно, время, всё, но мне так интересно, вот, что-то новенькое такое вот поставить на стол на новогодний, вот. Не только блюда, но и что-то такое вот, освещение такое интересное. Вот.

Ну и потом, забегая вперёд, скажу, что она тоже очень большую роль сыграла в том плане, что вот я вышла замуж (*улыбается*) – тоже благодаря той информации, которую получила тоже благодаря ей. Что, это уже прошло несколько лет, я работала, э, отработала три года, м, в этом, в Верещагино, вот. Потом вернулась (конец записи)... звонила там, находила где-то там в там сверху, или из учреждения, где я ра-

ботала, в общем, ну, из школы, всегда её поздравляла с началом учебного года, и с окончанием учебного года. Вот. И тут, значит, в очередной раз я ей звоню, ну, и мы так немножко разговариваем, потому что, ну, я просто знаю, что человек занятой, у неё там своих полно друзей и знакомых, родственников, но так вот хотя бы просто, какой-то повод и это... Ну, и с Днём рождения я её тоже поздравляла. Вот. И тут, значит, я её в очередной раз поздравляю с окончанием учебного года, вот, что, всё-таки, какой-то отпуск у неё будет теперь, отдых. Вот. И она мне говорит: «Так, Вероника, а ты знаешь, что там печатается книга Карнеги [15], про которую я тебе когда-то там говорила?». Но тогда её невозможно было достать, на русском языке тем более. Вот. Я говорю: «Ну, что-то такое припоминаю, а что такое?». Она говорит: «Ну, это психология, вот, а ты такой человек, что тебе это может быть интересно». И.. А я к тому времени – это было, значит, восемьдесят шестой год где-то, 86 – 87-й... 87й это год был. То есть, как началась перестройка [16] в 85-м, там, э, столько информации сразу полилось э вот о реальности, м, советской власти, о её становлении, там об этих репрессиях. Вот, и я сначала тоже по привычке читала всё подряд, вот, всё, что печатали там, всё это самое, вот. Потом настолько мне это тяжело стало, что я вообще перестала читать газеты, вообще. Вот, и вот перед этим вот, как мы с ней вот, м-м, перед этим разговором я уже примерно год я вообще не читала эту учительскую газету [17] – я её складывала и всё. И тут, когда она сказала, что, ты знаешь, что в учительской газете печатается. Я говорю: «Не знаю. Я её как-то не читаю, потому что, м, тяжело как-то всё это и я ещё не пришла в себя после всех этих разоблачений. Вот. Я своим ученикам со слезами, э, с рыданиями рассказывала, какой Ленин хороший и как жалко было, ну, когда день памяти Ленина был 25 января, вот. И тут вдруг получается, что это вообще всё... Как смотреть (*усмехается*) в глаза ученикам своим? Единственное оправда-

ние, что я сама на всём этом выросла и искренне во всё это верила». Вот.

Ну, и она говорит: «Ну, посмотри. Хотя бы ради Карнеги просто, если ты не выбросила ещё». «Нет, они там лежат где-то. Спасибо Вам большое, что Вы сказали», вот. Ну и сама так тоже, мм, посмотрела, э, как-то, просто из уважения к ней. Там, почитала, э, несколько распечаток вот этих вот в учительской газете книги Карнеги. Вот, и меня как-то сначала чё-то думаю, к, м, к, м, какая-то смесь вот эта вот всяких великих людей: то одно, то другое, то об одном, то о другом – ничё не пойму. Думаю, ну, ладно, ну, раз человек посоветовал – такой тем более человек, для меня это вообще авторитет такой она была, вот – то, ну, нужно как-то вчитаться, чтоб хоть что-то сказать потом ей, вот, не просто так. Вот.

Ну, и я повырезала всё это, м-м, из всех этих учительских газет там сложила в книжечку, вот, и стала читать. И всё. И, вот, вчиталась – всё. И эта книга помогла мне очень... м-м... А, и тогда же, подожди.. это 89-й уже год был... да, это 89-й год был, потому что это весной буквально я начала читать эту книгу, в конце мая, вот. Всё лето упражнялась, э-э, переламывала, перестраивала себя, своё поведение там, м, в общем, где там что-то не так было, с психологической точки зрения там, вообще тоже, вот. И, вот, осенью уже встретила вашего папу, вот, и через год мы поженились. Так что эта книга сыграла в моей жизни огромнейшую роль, вот. Благодаря Елене Владимировне. (*Голос дрожит*). Вот. Потому что если бы не эта книга, я бы по-прежнему замыкалась бы и не знала, о чём говорить с мужчиной, вот, кроме как там о полётах в космос и о международной обстановке. (*Смеётся*). Вот. А тут уже, как сказать. Думаю, ну, вот я просто упражняюсь как-то, в общении и... Ну, доупражнялась, что... Всё нормально. Всё хорошо получилось.

(*Сестра на заднем фоне: до сих пор упражняешься*) А? Ну да, сейчас уже не упражняюсь, уже живу просто, давным-давно вот. Благодаря этой книге я много в себе перестроила. Вот. Она много лет ещё

после моего замужества была моей, мм, подподушной книгой, та есть под подушкой лежала, и я утро начинала с неё – открывала её просто на любой странице уже... там несколько раз я её переписывала, вот. Конспектировала в смысле. Вот.

А потом наступил такой момент, когда эта книга от меня ушла. Я тогда тоже это, как сказать, не поняла (*голос слегка задрожал*), вот. Ну, те книги, которые я вырезала с этой, я просто дала, ээ (*вспоминает*) дочерям маминой подруги, которые тоже не могли выйти замуж, и вот мама сказала, открыла мой секрет, каким образом, что мне помогло. Вот. Но, они пролистали и сказали, что мы всё это и так знаем, но, тем не менее, это нам не помогает. Ну... это... у каждого свои, конечно, вот. Ну, так эта книжка там где-то и осталась. Вот.

А здесь уже, э, эм, будучи замужем, в Снежном, я, когда увидела её в первый раз вот напечатанную, я её купила, вот, и с этой книжкой работала, ещё несколько лет. А потом, значит, в «Орифлэйме» [18] я была и познакомилась там с одной хорошей девушкой, и когда она узнала, что у меня есть такая книга – а такие книги, ну, ещё как бы редко тогда ещё были, вот. Она, ой, говори, – и очень дорого по тем деньгам, по тем временам, 90-е годы. А нет, это не 90-е, это уже начало 2000-х. Ну, не все могли ещё купить это, вот. «Ой, ну дайте, пожалуйста, почитать. Я это самое». – «Ну, – говорю, ладно. Вот, отдала эту книгу – и с концами. Так мне эта девушка её и не вернула. Потом я её встречала, говорю отдай, ну, верните мне эту книгу, в конце-то концов. Она: «Да-да-да, сейчас, буквально завтра занесу». И опять не вернула. Ну... я тогда подумала, какая нехорошая девушка, вот. А сейчас я понимаю, что эта книга просто от меня ушла. (*смеётся*) сказала: хватит, ты и так уже всё это, наизусть уже всё знаешь и всё это уже как бы уже, ну, своё уже, оно и так, оно тебе не надо постоянно... листать это уже всё. Вот. Ну, я ж тогда ещё этого не поняла, а просто, как нас в «Орифлэйме» учили, что нам надо отпустить всё это, простить, вот. Но книгу я себе новую всё-таки купила снова Карнеги. Вот. Карнеги купила, но я её

так уже и не читала. Она просто стояла у меня на полке. Вот. А потом я её отдала, мм, это, подарила Козловским, когда они к нам приходили как-то в гости, и говорят: ой, Карнеги там, всё. Я говорю: ой, нате. Потому что они тоже так, Наташа Козловская такая мне подарков так много делала всяких, и я была рада ей подарить то, что ей нужно тоже...

(*Технический перерыв*).

Вероника Анатольевна:.. значит, я была политинформатором [19]. Главарём, это, комсомольским мне не хотелось никогда почему-то быть, не знаю как-то, не тянуло, ничего интересного я в этом не видела. Вот. А политинформатором... я сама любила очень читать газеты, и, ну, вот, эммм, в 79-м году – это мы были на втором курсе, когда объявили, что наше правительство вводит войска в Афганистан [20] – для меня лично это был шок, не знаю, как для кого, потому что только что я на всех политинформациях там говорила, что вот Советский Союз там за мир, за стабильность, вот, и за суверенитет всех народов, вот. И тут вдруг на тебе – ну, как, оккупация фактически. Вот.

Ну, потом, значит, ээ, стала слушать все передачи и читать все эти, м, публикации по этому поводу, вот. И так себя уговорила, как вот, словами газет, и своим же девчонкам так тоже рассказывала на политинформате, что мы вынуждены были это сделать, вот, потому что иначе бы ввели туда войска американцы. Ну, тогда действительно, это была ещё Холодная война [21], ещё времена э, можно так сказать, разгара, вот. Поэтому (*вздыхает*)... и они бы там поставили свои ракеты. А так мы как бы предупредили этот удар, вот, и не допустили этого, вот. Но где-то в глубине души я как-то, э, не верила сама своим этим, но... сейчас, конечно, это всё уже известно, что это была просто военная авантюра, вот. Ну... Кто прав, кто виноват – кто его знает?.. Вот.

Одни говорят, что Брежнев [22] хотел нацепить ещё одну звёздочку... Кстати, там было много анекдотов по поводу, вот, вы по истории изучали, да, что у него весь пиджак

был залеплен наградами правительственными? Не обращали на это внимания? Вот. Ну, а мы, поскольку при нём, м, прошло уже наше становление, вот, он же секретарём стал где-то с конца 60-х как раз вот, или начало 70-х и до 82-го года, когда он умер уже.. Так что мы при нём как бы росли и уже что-то осознавали, в нашей политике, в нашем... в нашей стране, вот. Ну, и тоже нам, как сказать, немножко это забавным казалось – ну как это, чисто как, полемически – что у него и так наград... Как-то сначала я не обращала на это внимания, что думаю, ну, заслуженный человек, вот и наград много. Потом думаю, ну, во время войны он был, вот, комиссаром [23], по-моему, вот. Пусть даже армии, но всё равно даже военные награды, но столько он не мог их просто, ну, чисто э, логически рассуждая, заработать на таком посту, вот. Но там и звёздочка Героя Советского Союза уже не одна, там, ещё там что-то, в общем...

Потом он, Брежнев, ну, как мы тогда говорили, любил ездить по заграницам, ног на самом деле, ну, кто его знает там – не он же себе маршруты эти рисовал, вот... как сейчас мы уже понимаем взрослым умом, вот. А тогда говорили: ой, любит ездить по заграницам, чтобы собирать, э, очередные награды – ну так, это, на кухнях, в кулуарах всё это говорилось, конечно, так... Официально, конечно, мы всё это по другому представляли. Вот. А так, между собой шутили по этому поводу, вот. Что (*покашливание*)...э-э, за границей ему тоже там давали, э, разные медали и ордена тех стран вот, куда он приезжал. Там, это, за борьбу за мир там, ещё там за что-то – ну, в общем, ну, вот, проедет, соберёт очередные награды там. Ну, говорит, э, пиджак там его весил, не знаю сколько этот, парадный. С этими наградами – он уже от ворота до этой, как, до края там до нижнего уже, ну, полностью был увешан – я не представляю, сколько он там килограмм весил, с этими со всеми этими медалями. Вот.

И даже в цирке у Олега Попова [24] был такой, кхм, э, номер, вот... Ну, который быстро потом запретили, потому что, ну, как-

то потом не стало ни видно, ни слышно о нём. Вот, но мы ещё успели увидеть его, этот номер по телевизору даже показали его, по-моему, в новостях, один раз, что Олег Попов вот придумал новый номер. Вот. Что там что-то сделал такое небольшое – раз сразу, это, медальку, чтобы он – раз, медальку, раз, медальку. А потом, значит, ему уже говорят, э, говорит его этот, м, парник говорит: ну, некуда больше (ну как, клоуны, они ж там пантомимой же всё показывают, ну некуда, ну куда – всё уже, всё завешано. Вот. Он, значит, отобрал у него очередную медаль, как-то так надел, перекинул на спину, вот, повернулся – и она у него на уровне задницы, эта медаль. Вот, говорит, пожалуйста, ещё как (*посмеивается*), куда можно было. Вот. В общем, или на спине, или на заднице. Вот. Этот номер как-то быстренько запретили, видимо, вот, не понравился он, э-э, таким прозрачным намёком, но, мм, действительно это было. Вот.

И тут, значит, одна из, м, как сказать, сплетен была, что в Афган наших ребят погнали только из-за того, что Леониду Ильичу хотелось ещё одну звёздочку Героя, м, Советского Союза себе прибацать. Вот. Тех, которые у него были, э, мм, ему показалось маловато, и вот он единственный, э, в Союзе был человек шестижды, по-моему, герой Советского Союза – ну, это вообще ни в какие рамки, конечно, не лезло, вот. Как сказать, такое было – это исторические факты (хочешь, в Интернете найдёшь). Вот. Или пятижды, или шестижды – ну такого больше... даже самые заслуженные люди, которые действительно своим трудом там что-то достигли, или своими подвигами, вот... ну, дважды Герой Сов, ну трижды – это всё, это.. там один человек или два таких было. Вот, всё. А у него пятижды или шестижды даже Герой Советского Союза.

Вот. (*Секундная пауза*). Такие были, тоже, во время моей студенческой жизни, события, которые тоже надо указывать или печатать, потому что... (*пауза, вздох*), когда общаешься с парнями, а потом.. сообщают, что их привезли в цинковом гробу, вот... то это конечно... (*голос подрагивает, готова*

заплакать) было тяжело как-то всё это воспринимать.. Но, мы старались всё это всё-таки перевести, что это, всё-таки, наш интернациональный долг, помощь афганскому народу (декларативно) и так далее. Вот. Это было. (Тихо, неразборчиво). Вот.

(Слышно папу на заднем плане).

(Пауза).

А, ну и, конечно, м, труд студентов, чем студенты ещё занимались в свободное от учёбы время. Вот это... мы ездили в колхоз [25]. Перед поступлением. (Папа вмешался).

Вот. (Пауза) Только мы, м, не успели, м, тогда экзамены ж мы сдавали, перед поступлением в институт. Обязательно всем экзамены сдавать. Вот. Пятибальная система, и в школе, и в институте была, и на экзаменах. Я один экзамен сдала на «четвёрку», вот, а все остальные на «пятерки», прошла. Вот... Легко поступила. Вот, хотя я волновалась, переживала, э, за проходной балл там и, ну... Аттестат у меня был «четыре с половиной», вот.. ну, ну, в общем, нормально так всё было. Вот.

А потом... Ну, как вот, мы сдали экзамены, вот, ещё не знали, что мы поступили-не поступили, потом пришли, э, там сказали такого-то числа прийти, вот, в июле сдавали экзамены, вот. И где-то в начале августа мы пришли, нам сообщили, кто поступил, вот. Собрали, вернее, ну, пригласили тех, кто поступил именно. Всё, вы прошли, всё это, в такой-то группе будете учиться, вот, на том факультете, на который подавали. Вот. И всё. И давайте завтра с вещами, вот, что там, соберите, что вам нужно из вещей там, всё – поедете в колхоз работать, на две недели. Вот. Ну, хорошо. И вот мы в середине августа поехали в колхоз.

Вот. Поехали в колхоз. Поработали там две недели. Вот. Уже так предвкушали, что вот-вот уже домой, и нам сообщают: знаете, трудная очень осень, вот, надо ещё поработать. Потому что не успели там убрать и ещё и то, и сё, и пятое-десятое. Вот. Этот колхоз мне запомнился больше других, больше школьных, потому что, это, мы там 2 месяца фактически, учились мы. Ой, работали, в колхозе. Вот. С середины августа,

сентябрь весь, и где-то 10-го ноя... октября мы только вышли на учёбу. Ну, приехали там уже в начале октября. Так что почти два месяца мы там зависали вместо двух недель, вот, потому что там надо было и то, и сё, и пятое-десятое, в общем там.

Работали мы и на овощах там, на уборке овощей и, м, на... ночные смены были, ну, правда, немножко там – я там, по-моему, 2 смены только ночные, лично я, отработала – э, на току. Ну, это там, где зерно уже обработанное там лежит, но его надо перелопачивать, чтоб оно не начало гореть, не перем... Не испортилось, потому что оно ещё так, не просохло хорошо, и поэтому вот мы от одного конца сарая к другому перегребали его, следующая смена наоборот. В общем вот так вот, такие у нас были работы.

Вот этот запах вот этого зерна запомнился, вот. И тоже вот эти... (сестра на заднем фоне) наши вот эти, парни-девчата, и местные там тоже с нами работали, вот, моло... молодёжь. Вот. Там мы зерно и успевали и полопатить, и, и подремать там, прямо на этом зер... – а оно тёплое такое вот, отгребёшь тёплое, а там под утро уже холод такой, э, заходит в сарай, вообще. Мы там себе гнёзда поразгребаем и лежим там, греемся. (Улыбается). Вот. Так что, ну, тяжело, конечно ночные были, ну... вот.

И жили мы, м, вот девчонки все в одной, мм, избе были – ну, там, какая-то изба, какое-то назначение было такого. Ну, не-ее местного, там не местные жители были, а просто там, какое-то общественное там было. Вот. И вот одна комната там, печка русская, дровами топленная – не та русская, что в которой можно было печь там что-то – ну, погреться около неё там, что-то разогреть там можно было. Готовили, мм, это, мм, во дворе – там тоже что-то типа вот плиты такое было, м, опять же на дровах. Вот. Там готовили, э, из наших же... девченок – там выделили двоих поваров, вот, и они постоянно там только занимались этим... вот, завтрак – обед – ужин готовили, а мы, все остальные, значит, работали там, куда нас поставят, вот. Приходили вот только покушать, и снова нас увозили, или

мы уходили сами там, смотря, на каких расстояниях мы там были.

Вот. Запомнился, э-этот... Ну, в клуб я там не ходила – как-то стеснялась, и не хотелось мне вообще там [тусо]ваться нигде, вот. Поэтому там, я одна сидела в этой комнате, вечерами. Потом там кто-то из девчонок там оставался там иногда, кому тоже, или устали там, или нездоровилось, вот, – составляли мне компанию. Все остальные уходили на танцы там, потом у них какие-то свои были ещё приключения, вот. Потом к какой-то девчонке мм местный парень там пристал... А пацаны жили в другом, в другой избе, где-то там тоже по этой же улице, но там расстояние было, вот... И с нами там, по-моему, преподавательница одна жила, м-мм, женщина. А главный у нас этот, руководитель был мужчина, преподаватель истории. Вот... Он с мальчишками жил, она с нами. Вот.

Тожe тут, такие условия э-э аскетические были... кто где сможет, тот там и покупается, и постирается, потому что ну-у, ну не было там н-никаких особых условий. Ни бани, ничего такое это... общественно-го. Ну, не принято у них там такое было... Это я потом на Урале увидела, что вот, э, в уральских вот этих небольших городках, там вот общественные бани ещё сохранились, вот. А тут такого не было.

Вот. Поэтому мы все мечтали: скорей бы домой, помыться наконец по-хорошему (*смеётся*), вот, и вообще, на кровати выспаться – спали ж на полу там, и настелены ж были эти матрасы, вот, одеяла там. Ну, в принципе, было не холодно, но как-то... уже мечтали о, мм, о домашнем уюте уже стали мечтать, с какого-то момента. Вот.

И запомнился местный магазинчик. Ээ, вот, он, наверно, выполнил все планы продаж, э, с приездом, э, наших студентов нашей э с нашей группы. Вот.

Ну, ещё наша группа была интересна тем, что с разных факультетов. Вот, поступившие абитуриенты, с разных – не только, вот, с начальных классов там, и с истории были, и историки, и математики там, вот, разные. Так что потом мы на протяжении всех лет учёбы мы, тоже как-то, как сказать,

м... поддерживали те знакомства, так как-то общались, продолжали, вот. Может, не со всеми, ну, со многими из тех, с кем были вот эти 2 месяца, вот, в этом колхозе, вот.

Значит, сначала мы приходили в этот магазинчик, выбирали, что там, м, ну, по-лучше из конфет. Вот. А дороги стали плохие, там вообще было невозможно проехать, туда, в этот магазинчик, поэтому там подвоза уже не было никакого, вот. Кончилось тем, что мы, м-э, съели даже вот эти вот, э (*вспоминает*) э, как, карамель вот эта вот, ээ, кругленькая там там, «Дунькина радость» она у нас называлась. Или «Дунькина радость» – это была эта... подушечки, наверно, карамельные, ну, вот эти, прозрачные... Да, это «Дунькина радость», а это, э, такие, круглые карамели, там, и немножко варенья это, внутри было. Когда-то они, конечно, были мягкие и, нормальные, вот. А тут это повидло уже давно высохло. Они были такие (*смеётся*) хоть в пушку заряжай. (*Смеётся, покашливает*). Но мы их стали покупать. (*Кашель*). А там, видимо, залежи этих конфет уже были, потому что их, ну, тоже как-то местные не сильно их, видимо, ели. (*Кашель*). Вот. Но мы их все разобрали в конце-концов. И нам даже не хватило на последние две недели – мы уже мечтали об этих карамельках. (*Улыбается*). Ну, правда там родичи стали как-то прорываться на своих машинах, у кого там были свои машины, и как-то там это самое, вот, и подвозить нам, мм, что-то такое покушать и, сладкое там, и всё. Вот. А так, я говорю, эти конфеты всё, запомнились, что... Мы сначала на них не смотрели и не думали никогда, и не мечтали, что мы когда-нибудь их съедим, будем есть вообще такое. Вот, ты что. А тут всё – забыли, у кого больные зубы, у кого другие вкусы. (*Смеётся*). Вот. Мы их там каким-то образом, значит, это, кромсали, вот, и потом осколки этих конфеток так, знаешь, сосали и думали : Боже мой! (*Смеётся*)... Что там тот Париж понимает? Вот где вкуснятина и вообще красота.

Вот. И впервые вот именно, э, будучи вот в этом колхозе, вот, в этой поездке, вот, я посмотрела «Служебный роман» [26]. На

этот фильм было невозможно попасть. Там были вообще аншлаги, во всех кинотеатрах, вот. И он шёл уже полгода, но я так попасть на него и не смогла в Йошкар-Оле. Вот. А тут вдруг нам привезли в клуб, в этот сельский, это кино, и мы смотрели – ну, это уже было где-то, мы больше месяца уже там жили. Боже мой! Мы на цивилизованную жизнь смотрели, вот. И нам казалось: ой, это такая дра... вот эти, значит, м, со всеми пейзажами деревенька эта, всё. Но всё равно, мы как-то дети цивилизации ж были, вот, и всё мечтали: Боже мой, когда-нибудь мы тоже будем про... проходить по улицам города, всё вот это... вообще, вот этот фильм тоже запомнила, знаешь, как это, окно какое-то в большой мир, из нашей этой деревеньки. А сейчас думаю: ой, дурачки какие, всё ж наоборот... вот. Вот где большой мир. Ну, конечно, как к этому относиться, что... Если неосознанно, то... в деревнях спивались, считая себя неудачниками, вот. Или вообще просто ни о чём не задумывались. (*Покашливание*). Вот. К сожалению, вот. И молодёжь стремилась в город, которая хотела чего-то достичь... более-менее так.. ну... Вот. А леса там и места, конечно, вообще, красивые. Красота... вот. Вообще. Здорово было. (*Пауза, покашливание*).

Так что, вот такой вот колхоз тоже запомнила я. Много смеху там было, много... всякого, всякого.

Ээ, парни там, двое или трое, умели играть на гитаре – естественно, все остальные парни ушли в тень. И вот эти трое, они концертировали... Каждый вечер приходили к нам, вот, садились там на крайних э-этих, ну, около печки, мм, там им, как сказать, все наши, ну, кто там спал, скраю, накрывали. Или там у нас гостевое место, значит, было, да. Да, у нас гостевое там было – специально один был свободный этот. Мы его так накрывали, покрывалами там, всё такое, вот. И вот они там садились и начинали петь. – и мы балдели от этих песен, вот, и, тоже, где-то подпевали, где-то просто слушали. (*Покашливание, пауза*). Это с исторического факультета все парни были, все на историческом учились, потом. Ну,

поступили туда. Вот. Интересные такие ребята, вообще (*пауза*) вот. Тоже вот это запомнилось. (*Пауза*).

Ну, студенческие годы... что ещё там такое, было яркое? (*Пауза*). Наверное, самое яркое я уже рассказала, то, что было... Вот. И дружба... вот... вот... и какая-то устремлённость вот в будущее, такая... (*Пауза*). Ну, в общем, как сказать.. С одной стороны и, э-это, в то время мне нравились эти годы тем, что студенчество, тем, что, ну, всё равно как бы продол... продолжение школы, вот, что... как-то всё равно мы в подчинённом каком-то положении, какой-то, ну, не знаю... какая-то несвобода, нет свободы выбора, вот, надо подчиняться... тоже, от всего этого устали – ну, я, я устала, я про себя говорю. Вот, этот набор информации, иногда, э, которая, ну... как сказать, ну, типа лишняя, вот. Просто так себя уговариваешь, что, ну, для общего кругозора пригодится там, всё... вот...

Ну, всё равно, много хорошего было... вот... Я рада, что эти студенческие годы были в моей жизни. Это, думаю, здорово.

Вот. Ну, и студенческие вечера ж ещё, естественно, там в самом институте, то, что готовили там факультеты, вот, по очереди. Или там у нас тоже был свой ансамбль. Вот. На гитарах там тоже хлопцы играли. Вот. Но это в каждом ВУЗе тогда было, везде, тоже там... было... вот.

После 2-го курса мы в стройотряде были. Но-ээ, нас никуда не повезли, а именно в городе там строилась большая гостиница, вот, и мы работали на этой гостинице, ну как, разнорабочими. Тоже [там], стройотрядовские там эти, интересные там... выдали нам костюмы эти стройотрядовские... вот. Но мы, там, типа одни там типа парадные были, а так, э, вообще-то на работу, конечно, мы ходили в таком, простом, что попроще там было... вот... (*Длинная пауза*).

Ну, и теперь чисто хочется ещё сказать, что, мм, не относится к студенческим годам – это уже после было. Вот. Уже... я уже заканчивала отработку, м, трёх лет обязательных после института на том месте, куда меня послали, вот.

Ну, я тебе рассказывала, почему я поехала подальше? Вот. [Значит], ты уже в курсе. Вот. Ну, я вроде помню, что рассказывала, но на всякий случай уточняю, что... вот.. Что я тоже думала, что вот там, буду в 20-й школе учи, ну, работать, после института, тем более у меня было право выбора – я одна из первых же проходила. Хотя там не отличница была, но всё равно, в первых рядах, вот... но... (Пауза).

После разговора с мамой (вздых) я на следующий же день пошла, посмотрела, где там, подальше, самая дальняя точка, куда там можно было отправиться. А как раз в тот год вот, как вот, ээ, как сказать, для меня специально там, можно было и в Саранск [27] ехать – это Удмуртия [28], по моему, вот... столица Удмуртии. Вот. И можно было ехать там по-о, ну, в общем, по Сибири там, э, ряд было станций – это железнодорожные вот эти школы в ведомстве Тамбовской железной дороги [29], вот. И я там выбрала самую дальнюю – «Не зевай». Вернее, самую дальнюю уже заняли, сказали, что эта занята уже, всё. Ну, я, значит, более близкую вот чуть-чуть взяла, «Не зевай», станцию выбрала, вот. И, когда приехала, я поняла, почему её так называли – ну, я так догадывалась, конечно, что так просто не назовут, вот, – потому что чуть зевнёшь – и уже всё, можно её проехать [было], там буквально две минуты остановка была. То есть поезд пока ост остановился – уже надо ему дальше трогаться фактически. Э вот две минуты там стоял, буквально ничего. Но я успела прыгнуть с него. Вот.

Пока я ехала, узнала, что там, оказывается, это, мм, эти, химики [30] живут – знаешь? Ну, эти, поселенцы после, э-э, отсидки, э, в колониях. Ну, преступники там, разные, вот. Отсидели в колониях, вот, вышли там по амнистии, или, в общем, там отсидели полностью срок, вот. И многих их сразу не пускали там в большие города, а ээ, определяли, где им поселиться там, в каком-то посёлке. Вот и называлось «жить на химии», почему-то, не знаю, почему, вот. А их называли химиками. Что им никуда оттуда, вот, и там они отмечаются, что постоянно там должны, ну, как привязанные к

одному месту, вот, к какому-то пункту жи... э жизненному, вот. Тоже какое-то время, а потом, значит, это самое. Вот.

И мне так: Вы смо... Вы смотрите, Вы девушка молодая (это ещё в поезде когда ехали там, вот. Вот, меня там уже соседи по купе... вот, э, как сказать, настраивали там) Вы смотрите, вечером там никуда не выходите, потому что там разные бывают случаи, с этими химиками, Вы что там... – Ой, мама мия! Думаю: куда я приехала? Как-то сразу стало страшно – и до этого-то страшновато было, а тут вообще. (Улыбается). Думаю, ну ладно, ничего, вот.

Ну, и сразу пошла ж узнала, где школа, пошла туда. Я тебе этого не рассказывала раньше? Вот. Пошла, где эта школа, со своими чемоданами, вот, котомками. Прихожу, а там говорят: ой... ну эта, директор в отпуске, а э-э зам там тоже где-то, ну, в общем, идите её ищите. Ну, в общем, нашла, короче, я её, где она там живёт, в этом посёлке. Вот... она говорит: «Ой-ой-ой! Я же говорила, уже и написала, что здесь уже человек, э-э, м, ну, как сказать, не требуется, потому что из декретного решила выйти раньше наша молодая учительница, и всё. В принципе, нам тут не нужно никого».

Ну, я два дня жила у этой, э, зава... у этого, э как. (Вспоминает) А, ну, завуч. У этого завуча школьного жила. Ну, она такая пожилая женщина, э, предпенсионного возраста была. Вот. У неё там внучка была, сын, э-э.. Ну, они приехали уже на тот де, в тот день, когда я собиралась уже уезжать. А в этот день просто она мне рассказывала о них. Говорила: «Всё. Вот Вы тут два дня с нами поживёте, мы Вас ещё сводим завтра э по грибы, посмотрите, какие тут у нас грибы замечательные» А там леса, действительно, вот этот посёлок там, вокруг лес, э, хороший такой. Не так, как обычно на Урале. Там, эти, еловые леса, как-то вот, такими массивами большими. А именно вот в этом посёлке вообще, очень хороший лес там, огромный и, м, такой разный и...

Вот на следующий день пошли мы по грибы, с этой женщиной – ой, вообще, так хорошо... А я ещё говорю: «А эти химики

что?» – «Ой, та, – говорит, – не бойтесь. Это там наговорят... Ну, конечно, соблюдать какие-то определённые правила нужно, вот. Но мы ж с Вами далеко не пойдём, во-первых, а, во-вторых, там... ну, в общем, короче, ничего страшного». Вот. И мы там гуляли, никого вообще в лесу не встретили, вот, сами с собой... А, это приехали ж, и сын её приехал, с невесткой-с внучкой, вот. Ну, и сын с нами пошёл тоже, м, по грибы. Вот. Набрали много там разных грибов: и белые, и подосиновики, и подберёзовики – все такие, ну, именно конкретные такие грибы, вот. И эти, лисички (но лисичек немножко там было, вот. Но, по-моему я там их впервые как-то на них обратила внимание – в Йошкар-Оле как-то я не сильно. Я, в принципе, там и не часто по грибы мы ходили, вот), оята, вот. Хорошо так погуляли в лесу и пришли, э, естественно, нажарили грибов, наварили этой грибницы, как называли там этот суп, грибной, с грибами, наелись. А на следующий после этого день, после грибов этих, вот, э, проводили меня на станцию, вот, и я поехала в Свердловск.

Приехала в Свердловск, э-э, именно вот в эту, как, мм, ойх, ну (*вспоминает*), как она называется, в общем, ну, главная там по этим железнодорожным школам, в Свердловске, вот. и там тоже, пообщались, там много разных там тоже вот было вот, ну, как сказать, по распределению по этому по всякому. Вот, тоже там, пока пообщались, там познакомились там с тремя девочками, и с ними уже там ходили там по кабинетам там, всё тоже выясняли там, всё это самое... вот. ну, в конце концов мне выдали направление, что, в Верещагино, вот. Так что, говорит, ближе к вашим этим, родным пенатам [31], вот. чаще сможете ездить к маме. Говорю, спасибо вам большое, сама думаю, я ж хотела подальше, потом думаю, ой, ну ладно, приеду...

Приехали – там маленький такой городок вот этот, Верещагино – две улицы: одна, значит, вдоль, другая поперёк, вот, э-э, одна мощёная, э, этим, ну, мэ, камнем, мощёнка такая там проходила как бы. Ну, э, как, бабушка бы наша Маруся назвала бы

шоссейкой и, что, ну, как, главная дорога там такая, что, дальше там, межгородняя. А эта, что вот... главная улица тоже Ленина там была, э, и асфальтирована. Всё. Все остальные улочки, вот, и проулки были вот эти дощатые, помостки вдоль домов, вот, дороги просёлочные, то есть, э-мм, как, э, когда дождь там или, э, осень там, весна – это уже грязь, конечно, непролазная. Ну ничё, люди жили и пролезали (*улыбается*), машины пролезали, кому надо там, всё это самое, ну. В общем, тоже интересное вот это. Вот. и я тогда подумала, ой, ну, всё-таки хорошо, что хоть, э, маленький, но городок, вот, а не такой посёлок, вот, как-то всё равно. Ну, горожанка, была, вот, и мне хотелось в городке там.

Э-э, там я, это... как сказать, когда вникла в свои обязанности школьные, вот, – это уже где-то в октябре, наверно, было, – что я пошла, ну, в разведку, чтоб посмотреть хоть, что за город и где он там. А – нет, это не я. Это, я сидела дома, мм, особо там никуда не это самое, потому что в напряжёнке в такой, что вот готовилась к занятиям же всё это... вот, что я там ученикам буду говорить, э-э, на следующий день. А именно та девушка, с которой мы поселились, Лена, вот. Она первая пошла в этот, э, Дом культуры [32], который, ну, неподалёку там был от нас, от нашей школы и от нашего места жительства – мы жили во дворе своей школы, где и работали, вот, в здании в школьном, тоже к школе он к этой относился, этот домик. Вот. И потом пришла прям, с таким восторгом рассказывает, что вот она там познакомилась с этим, э-э, с парнем, который, ну, вот, рисование там преподаёт, что вот она и-именно любила рисовать, у неё получалось и пошла в этот кружок рисования. Вот. Но я рисованием не сильно увлекалась, но тоже пошла там, этот парень меня нарисовал ещё, Коля, - потом она за него замуж вышла, через год. Вот. Но я там пошла, э, увидела, что там есть народный театр. Ну, как, самостоятельный театр, но он уже получил статус народного, но, правда, к сожалению, вот тот руководитель, который, м, его довёл до вот этого вот совершенства и до этого звания, что ему

присудили, он уехал на тот момент. А до этого он работал учителем в школе, учителем литературы и русского языка, и, э, вот, в свободное время просто на своём энтузиазме, вот, вёл кружок – сначала в школе, потом сюда перенёс, вот, в ДК это всё дело, вот, и, это...

Ну, в тот момент, когда я туда пришла, там приехала молодая девчонка, ещё моложе меня – мне 21 год на тот момент, ну да, 21, вот. а, мне уже исполнилось 22, года – это ж осень уже была. А ей 20 лет только было. Мне она казалась: ой, Боже мой, это-э, настолько моложе меня! (*Улыбается*). А столько много, ну, настолько больше знает меня, ну, всё там это самое... ну, вот, интересно.

Тоже вот занималась я в этом, народном театре там, и, э-это, э, делали концерты, м, там, к разным датами разным этим-м, ну, там, 8 марта, э, 7 ноября [33] – ну, такое вот это, небольшие, вот. и, там, со сценками, и со стихами там всё это. Там я уже просто как бы себя заставляла выходить на сцену и преодолевала вот этот вот барьер какой-то вот.

Вот. Потом «Вечера на хуторе близ Диканьки» [34] там как-то, э, зимой поставили на Новый год. Я была Солохой, вот. там все: ой, какая Солоха! Мы там в ДК выступили, потом там нас пригласили ещё на предприятие на это, э, вот, паравозное вот это... где, ну, вот эти поезда там, паровозы. Вот. паравозное депо там было, и вот в их, ээ, клубе местном небольшом там на их сцене выступили, тоже с этим же, «Вечерами на хуторе близ Диканьки». Вот.

Потом по пьесе Володина [35], э-это, «С любимыми не расставайтесь» там сделали, ну, спектакль, интересный, в ДК, потому что там... то половина действия было на сцене, а половина вообще в фойе. Тоже интересно – это тогда вообще, новое было слово, такое, только начиналось всё это, что театр там выходил за свои рамки... в общем, интересно тоже, вот...

И, и так какие-то мы там тоже... какие-то что-то там такое делали, ну, в общем, ну, интересно тоже вот как-то так. Во-первых, всё что там я узнавала, я, естественно, в ра-

боту свою, м-э, привносила, с ребятами ставили разные сценки тоже. Я уже так, уже знала мизансцены [36], как лучше там, туда-сюда там, ну, в общем, какое-то чутьё уже срабатывало. Потому что опыт уже, ээ своего выступления был какой-то небольшой... вот.

И потом, когда приехала в Йошкар-Олу, после трёх лет вот там, работы, я сразу поступила в культпросветучилище, потому что решила, что, э, мне нужно, ну, получше знать и смотрю вот, думаю, если я буду знать столько, сколько эта вот девчёнка, Лариса, знала, как режисёр – мне вполне достаточно будет для моей работы, потому что я не собиралась работать чисто по этой специальности, а... Вот. просто как вторая профессия и для сво для основной, вот. ну и всегда с ребятами, где бы я ни работала потом, я, конечно, тоже ставила эти всякие сценки, пьески, вот, нравилось мне всё это... (*Пауза*).

(*Улыбнулась*). Такая жизнь была, интересная, какая-то... Ну, ничё. Ну, в принципе, всё.

Про перестройку я уже сказала, что какой это шок был для нас для всех. Вот. да. Хотелось рассказать про перестройку, а сама рассказала про то как я поехала на по назначению. Вот, перестройка началась в 85м году – сначала как-то на ура так всё: ой, как-то всё это самое. Вот. а потом... эйфория ушла, и потом чем дальше, тем больше критиковали этого Горбачёва [37] и, э, Ларису, ой, эту-у, эм, Раису [38], его ненавидели, все. Терпеть её не могли, вот. Ну... (*пауза*). Вот. И главное, вот эти потоки вот этого, э, как бы, разоблачений всех этих... просто... очень было тяжело.

Вот. это был 87й год, когда я уже всего начиталась и всё и прекратила вообще читать все газеты – ну, не сразу, постепенно, но всё как-то, стала от этого отходить, потому что.. ну тяжело просто всё это было воспринимать, очень тяжело. Вот. что выросли в одном, в одной стране, можно сказать, да, и в одном мире, мироощущении – тут оказалось, что всё это направда, что всё это это самое. Я говорю, я не знала, как смотреть э в глаза ученикам. Вот.

А потом... э-э.. И тут как раз меня ещё раз пригласили мамины дурья в-ээ, в Ленинград [39] приехать – я давно как-то собиралась ещё, ещё когда я в институте училась они говорили, ну вот, это, точнее, дочь маминой подруги, с которой там работала мама, бабушка Шура. Таня Соколова. Вышла замуж там, в Ленинграде и.. Ну, в принципе, она там и училась, и там же работала, и там же замуж вышла, и там жила. Вот, говорит, «теперь у нас там есть квартира, вот, я могу приглашать знакомых, и, Вероничка, приезжай там тоже, всё...». Ну, я говорю «да-да-да», а сама ж... Вот. и тут в 87м году, вот... А! даже я сама ей позвонила, говорю: «Танюш, это-о, ты ещё как бы, не против, чтоб я приехала и, м, просто посмотрела Ленинград, а у вас бы остановилась?» Она: «Да, да, давай приезжай. Вот. легко, пожалуйста. Когда там сможешь. Вот там договорись, когда, э, лучше», Вот. У них там отпуск не летом всё равно. Я поехала. Увидела, что такое белые ночи. Вот... что мне казалось, что это что-то такое вот серебристое под луной, просто более светлое. А это там просто обыкновенный день, продолжается, не заканчивается никогда (смеётся), ночи фактически нету – вот что такое, это, белые ночи. Вот. так что... (*Краткая пауза*).

А, ну и вот, и, э, путешествуя по этим садам, ээ-и паркам, мм, по пушкинским местам по всем этим проехала сама. Ээ, ну, там экскурсии ж организовывали, и я, то одну экскурсию брала, то другую – очень, как сказать, удобно. Сначала я как-то боялась, думала, как я там сама, одна буду э что-то там где-то искать, вот. Там на площади на Дворцовой, эти были, не знаю, как сейчас там всё это делается, а тогда э были киоски, несколько кмосков – ну, там, как сказать, в радиусе большом как-то выставлены, вот. и к любому подходишь, какой в тот момент работает, и, ээ, берёшь там экскурсию... вот. Тебе всё объясняют, куда пройти, чтобы на эту экскурсию попасть там, сесть, на какой транспорт, э, на каком транспорте она будет, вот.

Так я поехала, м, вот в этот м, как его... Петро... (*Вспоминает*)... Петродворец, что

ли назывался – ну, вот этот, отдельно там едешь, вот, на катере, ехали туда. Ну там довольно-таки долго едешь, э, плывёшь на этом катере, и, вот, приезжаешь – в Петергоф [40]. Вот. ну, Петродворец, да? Вот, в переводе. Петергоф. Вот. приезжаешь, там эти фонтаны.. И мне ещё повезло, что, э-э, сказали – я там не помню, я там или в июне была, или в июле... э-м, в Ленинграде, и мне сказали, что обычно в это время у нас, э, дожди идут. Постоянно. Вот. а мне повезло: две недели я там была всего-навсего и, э-э это, обе две недели было солнце, все эти фонтаны, все эти брызги, все эти статуи золочёные – всё это было м-м ослепительно под лучами солнца и всё это так было прекрасно и красиво, вообще, замечательно.

Вот. я съездила, наслаждалась. Потом я просто безэкскурсий, узнала, где там, э-этот, катер, регулярно просто курсирует, вот. сначала на экскурсию съездила, а потом просто э-э, там сказали, что вот в какой-то день там будет толи праздник фонтанов, толи ещё там что-то, вот – я уже сама просто поехала, без всякой экскурсии, вот. уже сама побродила там, уже где знала там благодаря экскурсии, где там что. В общем, сама просто там погуляла там в этих парках. Ещё раз полюбовалась этими фонтанами всеми. Красота.

Вот. потом, значит, съездила на экскурсию на Ореховый остров [41] – это этот, остров Шлиссельбург [42], по-моему. Да. Назывался при Петре [43]. Вот. а так он Ореховый или Заячий [44] – его там по-разному называли. Но в тот момент, когда я там была, он назывался Ореховый уже просто. Ореховый. Ну, и Шлиссельбургская крепость там, вот. тоже рассказывали про этих революционеров там, которые в этих камерах, м, по 20 лет сидели, за свои убеждения там. Что, какие были условия, м. это была одна из тех крепостей, э, в которых были, ну, из тех тюрем, в которых были самые ужесточённые условия... для узников... Вот. что (ой, я тоже так, наверно, вот. (*Устраивается поудобнее*)). Там тебе не холодно на полу? Ничё?) Ой, что им, мало того, что в одиночке держали всех... э-это, всё было, стол был привинченный, а

кровать... а, кровать тоже была привинчена. Стул, по-моему, откидной был, что можно было откинуть так это самое, а можно тпак. Вот., что садиться разрешали только в определённое время, вот, или по какому-то специальному разрешению. А так узник должен был всё время быть на ногах. Нина кровать не разрешали ему присесть ни в коем случае, и если там, надзира надзиратели постоянно смотрели, если только видели, что узник присел – всё, сразу заходили, там, в общем, поднимали его, делали внушение, а то, может быть там... В общем, условия были ужасные, короче.

И там меня одна женщина поразила. Я потом, э, где-то её ещё, это, про неё встретила именно вот в этих, разоблачительных этих... м-м, ну, статья, э, в каких-то мемуарах чьих в чьих-то встретила. Ну, сейчас я не помню уже её, это, революционерка там, в общем онм э за революцию была, всё такое. И вот её в эту крепость. Там сначала в простых тюрьмах она сидела, но не успокаивалась, ну, её уже сюда послали и здесь она провела 20 лет, в заточении, но умом она не рехнулась, как многие узники там, буквально мм год-два достаточно было таких условий, что они это, сходили с ума, вот. она сохранила ясность ума, вот, э, и, м-мм, ну, в общем такая сила воли у неё вообще была.

Вот. И потом, значит, где-то я дальше, потом уже, когда приехала из Ленинграда, я уже (*покашливание*) про неё нашла, что при советской власти – она приветствовала вообще революцию, всё там – а потом, э, м, стала критиковать. Что то не так, это не так, в общем, это не то, к чему они стремились, в своих порывах, вот, ну, лучшие люди, как бы, лучшие умы, интеллигенция там, э, революционеры лучшие из лучших, вот. ну и, естественно, ЧК [45] пошло по её это, следам, чтоб её уже схватить. Вот, но она так от них ушла легко, потому что у неё конспиративный был опыт уже огромный, и всё, и так её больше никто не видел и не слышал (*усмехнулась*), где она что она там. Ну, в общем, это надо, конечно, ещё... вот. В общем, таким вот образом, тоже такая судьба интересная.

Ну, в общем, ээ, много интересного в Ленинграде, и вот, Ленинград как бы меня немножко спас в том плане, что, э, я поняла, что всё-таки есть какие-то, м-э, вечные ценности, незыблемые какие-то вот, есть поэзия, есть какие-то чувства человеческие, реальные, простые вот, э-ээ, не то что простые, а, ну, самые необходимые. Ну, простые, потому что они именно жизненные, жизненно важные для всех, вот. и это самое главное. [... политика ...].

И вот тогда я вот стала как-то из этой депрессии, м, перестроичной, немножко выбираться. Вот, как бы вылезать из этих вот, разоблачительных вот этих вот грязей всех, вот. потому что там, м, под этим видом там уже как бы тоже и перегибали где-то черезчур, может быть. Даже где что-то и хорошее было.. ну, вот, я говорю, я в прекрасной стране жила, вот, в прекрасном мире жила и, в принципе, как сказать, какие-то мелкие недостатки были, но.. но когда там стали всё поливать грязью и убеждать нас, что мы живём вообще в чём-то этом самом, я, конечно, была не согласна с этим. Вот.

Так что я считаю, что у меня было золотое детство на самом деле, прекрасное..Мы могли поехать в любую уголок Советского Союза, и, при чём, на те зарплаты, хоть они были и маленькие, но, э, ценны были такие, что в принципе, всё было реально. Кто хотел путешествовать, тот путешествовал. Вот. Мы каждый год ездили..Вот мама одна нас растила, вот. каждый год она нас возила то к одной бабушке, то к другой, потому что, ну, в смысле то к папиной, то к маминной, э, родне мы ехали, э, вот, свободно. И на самолётах, и... на поездах, вот, не смотря на то, что мы жили на одну её зарплату, вот. Мы всё это могли себе позволить, вот, потому что.. я ж говорю, были такие цены, что... вот. Ежегодно мы ездили, ежегодно это самое..

Э-э, в лагерь тоже, в пионерский, была возможность брать путёвки, тем более профсоюзные там они, ну, можно сказать, тоже копейки вообще стоили, тем более для таких семей, где, вот, вдовы там воспитывали детей. Ээ, были, ну, фактически там,

бесплатные путёвки предоставлялись, частенько. Вот. Ну, мы там несколько раз съездили с Пашей (с братом), в такие лагерь, но мне потом не захотелось в лагерь, ему тоже – нам больше свобода нравилась там, рыбалка эта, вот, и так, беготня вот эта, сельская вот эта жизнь свободная какая-то такая это. И поэтому мы...

(Технический перерыв).

Вероника Анатольевна: И вот, и благодаря Ленинграду я из этого шока стала вылезать как-то и... со своим тоже, уже знала, что сказать своим ученикам (*улыбнулась*) и родителям их, вот. И когда я, когда я [... о своём ...] после Ленинграда, несколько родителей, ну. Несколько семей из моего класса поехали тоже, буквально на следующее же лето (*голос подрагивает*), мне потом рассказывали, как хорошо, что Вы нам рассказали это, потому что мы тоже собирались там, ну когда-нибудь там что-нибудь, вот, а тут – всё! Поехали! – и поехали. (*улыбается*). Съездили туда. Также там попутешествовали везде и... вот... набрались каких-то этих красивых, замечательных. Вот.

Всё. На этом достаточно (*улыбается*), хватит.

Интерв'юер: Сейчас, подожди, сейчас. А в каком году было, э, ну ты рассказывала про случай, когда ты в травмпункт ходила к этой своей учительнице?

Вероника Анатольевна: А. так, это было... наверное, ещё на 2м курсе. (*Пауза*). Ну, 79й год.. 79й год ещё. 78й я ж поступила, а 79й осень, да. Ну, на 80й уже. 79й-80й. а что?

Интерв'юер: Просто уточняю. Потом, это, колхоз – может я прослушала – ты далеко, насколько далеко это было?

Вероника Анатольевна: Далекое. От Йошкар-Олы далеко это, э, нас забросили десантом. Что мы туда приехать не могли. Это там, через горы и долины, я не знаю, в каком-то дальнем от Йошкар-Олы месте было. Ну, на автобусе, не знаю, полдня, наверное, ехали, где-то так.

Интерв'юер: Что такое «пенаты»?

Вероника Анатольевна: «Пенаты»? А, ну, это из пушкинского же, лексикона. Э,

пенаты, ну, э, я так понимаю, что вот эти..., ну, дом родной, родина – родные пенаты. (*пауза*) ну, так оно и означает это, р-родной дом, пенаты, родные пенаты – то есть дом родной, вот. а что там, как сказать, прямое значение какое это было – это надо посмотреть в словарики иностранных слов, что оно, вот, первоначально означало, прежде чем Пушкин так, в таком плане, стал употреблять. Ну, не только Пушкин, вообще, в его пору уже так говорили... Что ещё?

Интерв'юер: Та, вроде, всё. Спасибо.

Вероника Анатольевна: Угу. Тебе спасибо.

Примітки

1. *Будзагін* (всесоюзні студентські будівельні загони) – комсомольська всесоюзна програма ЦК ВЛКСМ для студентів вищих, середньо-професійних та початкових навчальних закладів, що формує тимчасові трудові колективи, для добровільної роботи у вільний від навчання час (як правило, літніх канікул) на різні об'єкти народного господарства Радянського союзу.

2. *«Анна Каренина»* (1873 – 1877; журнальна публікація 1875 – 1877; перше книжкове видання 1878) – роман Л. М. Толстого про трагічну любов заміжньої дами Анни Кареніної та блискучого офіцера Вронського на тлі щасливого сімейного життя дворян Костянтина Левіна і Кіті Щербацької. Масштабна картина вдачі і побуту дворянського середовища Петербурга і Москви другої половини XIX століття, що поєднує філософські роздуми авторського alter ego Левіна з передовими в російській літературі психологічними замальовками, а також сценами з життя селян.

3. *Золоте кільце Росії* – «сімейство» туристичних маршрутів, що проходять стародавніми російськими містами, в яких збереглися унікальні пам'ятки історії та культури Росії, центрами народних ремесел.

4. *Нема пророка у своїй вітчизні* – з Біблії, вираз склався на основі наступного євангельського вірша (Новий Завіт, Євангеліє від Матвія, гл. 13, ст. 57): «... Ісус же сказав їм: не буває пророка без пошани,

хіба тільки в вітчизні своїй та в домі своїм». Зміст виразу: люди не вірять у талант, геніальність або істинність слів людини, яка знаходиться поруч з ними. Передбачається, що все дійсно мудре, правильне і т. п. має «немісцеве» походження.

5. **Суздаль** – місто в Росії, адміністративний центр Суздальського району Володимирської області. Розташовано на річці Кам'янці, притоці річки Нерли, в 26 км на північ від Володимира. Суздаль – місто-заповідник, входить в Золоте кільце Росії.

6. **Герасимов Сергій Аполлінарійович** (1906–1985) – радянський кінорежисер, сценарист, актор кіно, драматург і педагог. Народний артист СРСР (1948).

7. **«В начале славных дел»** – друга частина історичної кіноділогії Сергія Герасимова, знятої за романом О. Толстого «Петро Перший». В кінці XVII століття Росія зазнавала величезних збитків у торгівлі, адже не мала виходу до моря. Юний цар Петро I починає будівництво у Воронежі російського флоту і бере фортецю Азов. А в середовищі бояр, між тим, зріє невдоволення правлінням молодого монарха.

8. **«Комсомольська Правда» (або «Комсомолка»)** – щоденна і щотижнева газети, інформаційно-молодіжне видання Комсомолу (1925-1991 рр.), з 1992 р. розважальна, приватна.

9. **Симонов Микола Константинович** (21 листопада (4 грудня) 1901, Самара – 20 квітня 1973, Ленінград) – радянський актор театру і кіно, театральний режисер. Народний артист СРСР (1950). Герой Соціалістичної Праці (1971). Лауреат трьох Сталінських премій (1941, 1947, 1950).

10. **Жаров Михайло Іванович** (1899 – 1981) – радянський актор, режисер театру і кіно. Народний артист СРСР (1949). Лауреат трьох Сталінських премій (1941, 1942, 1947). Герой Соціалістичної Праці (1974).

11. **Кострома** – місто в Росії на річці Волзі, адміністративний центр Костромської області, великий річковий порт. Засновано в XII столітті, а в XIII столітті стало центром удільного

князівства. Історичний центр міста в основному зберіг зразковий у своєму роді ансамбль епохи класицизму кінця XVIII – XIX ст. З пам'яток допетрівською епохи найбільш цікаві комплекси Іпатіївського і Богоявленсько-Анастасіїного монастирів. Місто включено до переліку поселень, що мають офіційний статус «історичних», і традиційно включається в Золоте кільце Росії.

12. **Макаренко Антон Семенович** (1888 – 1939) – радянський прозаїк, публіцист, педагог. Розробив і практикував свою оригінальну систему подліткового виховання.

13. **Алексин Анатолій Георгійович** – (настоящая фамилия – Гоберман; р. 1924) – радянський письменник, драматург. Лауреат Державної премії РРФСР імені Н.К. Крупської (1974) і Державної премії СРСР (1978).

14. **Марі** – народ фінно-угорської етномовної групи, що становить корінне населення республіки Марій Ел.

15. **Карнегі, Дейл Брекенридж** (англ. Dale Breckenridge Carnegie, до 1922 года – Carnagey; 24 листопада 1888 – 1 листопада 1955) – американський педагог, психолог, письменник. Стояв біля витоків створення теорії спілкування, перевівши наукові розробки психологів того часу в практичну область, розробивши власну концепцію безконфліктного й успішного спілкування.

16. **Перебудова** – загальна назва реформ і нової ідеології радянського партійного керівництва, що використовується для позначення великих і неоднозначних змін в економічній та політичній структурі СРСР, ініційованих генеральним секретарем ЦК КПРС М. С. Горбачовим у 1986 – 1991 роках.

17. **Учительська газета** – професійна газета працівників освіти, з 1924 (в 1930 – 37 «За комуністичне просвіта»), Москва. Видавалася як орган Міністерства освіти СРСР та ЦК Профспілки працівників освіти, вищої школи і наукових установ, з 1991 – незалежне видання.

18. **«Оріфлэйм»** (Oriflame Cosmetics S.A.) – косметична компанія, що спеціалізується

на розробці, виробництві та продажу засобів догляду за шкірою, засобів особистої гігієни, парфумерії та декоративної косметики, продукції здорового харчування та аксесуарів.

19. **Політінформатор** – людина, що відповідає за проведення годин політінформації – в СРСР та інших соціалістичних державах, від ідеологічної та політико-масової роботи у формі обов'язкових лекцій або бесід в трудових і військових колективах, навчальних закладах, партійних, комсомольських і піонерських організаціях.

20. **Афганська війна** (1979 – 1989) – військовий конфлікт на території Демократичної республіки Афганістан (Республіка Афганістан з 1987 року) урядових сил Афганістану та Обмеженого контингенту радянських військ, з одного боку, і численних збройних формувань афганських моджахедів («душманів»).

21. **Холодна війна** – глобальна геополітична, військова, економічна та ідеологічна конфронтація між СРСР і його союзниками, з одного боку, і США та їх союзниками – з іншого, що тривала з 1946 по 1991 рік (45 років).

22. **Брежнєв Леонід Ілліч** (1906 – 1982) – радянський державний і партійний діяч, який займав вищі керівні пости в радянській державній ієрархії протягом 18 років: з 1964 року і до своєї смерті в 1982 році.

23. **Комісар у військовому підрозділі** – в 1918-1942 представник Комуністичної партії у військових частинах (кораблях), з'єднаннях збройних сил, наділений командними повноваженнями.

24. **Попов Олег Костянтинович** (род. 31 июля 1930 года) – радянський артист цирку (клоун), актор. Народний артист СРСР (1969). У своїх виступах використовує такі прийоми як еквілібристика, акробатика, жонглювання, пародіювання циркових номерів, але головне місце в його виступах займали антре, вирішені засобами буфонати і ексцентрики.

25. **Колгосп** (от коллективное хозяйство) – форма господарювання на селі в СРСР, за

якої засоби виробництва (земля, обладнання, худоба, насіння і т. д.) перебували у спільній власності і під громадським управлінням його учасників, і результати праці також розподілялися загальним рішенням учасників. Були також риболовецькі колгоспи.

26. **«Службовий роман»** – радянський художній фільм, лірична комедія в двох серіях режисера Ельдара Рязанова. Фільм створено на кіностудії «Мосфільм» в 1977 році; лідер прокату 1978 року – понад 58 млн. глядачів.

27. **Саранськ** (мокш. Саранош, эрз. Саран ош) – місто в східній частині Центральної Росії, столиця Республіки Мордовія (з моменту утворення в 1934 році, а також попередніх мордовських Держосвіти). Розташовано по обидва боки річки Інсар (басейн Волги), в 642 км на північний схід від Москви.

28. **Удмуртія** – республіка у складі Російської Федерації, входить до складу Приволзького федерального округу.

29. **Тамбовська залізнична дорога** – мається на увазі Тамбово-Саратовська залізниця, названа по крайніх пунктах – Тамбова на північному заході і Саратова на південному сході.

30. **Хіміки** – зеки на вільному поселенні – умовно-достроково звільнені, але зобов'язані щодня відмічатися.

31. **Пенати** (лат. Di Penates, Penates) – в давньоримській міфології боги-охоронці та покровителі домашнього вогнища, а потім і всього римського народу. Кожна сім'я мала зазвичай двох пенатів, зображення яких, виготовлені з дерева, глини або каменю, зберігалися в закритому шафці біля вогнища, де збиралися всі члени сім'ї. У значенні «повернутися додому», до домашнього вогнища, рідного дому використовується вираз «повернутися до своїх пенатів».

32. **Дім культури** (Палац культури) – клубну установу, центр культурно-масової та просвітницької роботи.

33. **7 листопада** – Річниця Великої Жовтневої соціалістичної революції – державне свято в СРСР. Відзначався в день звершення Жовтневої революції щорічно 7

листопада (25 жовтня за «старим стилем») та 8 листопада.

34. **«Вечора на хуторі біля Диканьки»** – перша книга М. В. Гоголя (виключаючи поему «Ганц Кюхельгартен», надруковану під псевдонімом). Складається з двох томів, кожен з яких складається з 4 повістей, дії яких відносяться до XVII – XIX ст. Перший вийшов в 1831, другий – в 1832 році.

35. **Володін Олександр Моїсейович** (настоящая фамилия – Лифшиц; 10 февраля 1919 – 17 декабря 2001) – російський драматург, сценарист і поет. Член Російського ПЕН-центру (міжнародна неурядова організація, що об'єднує професійних письменників і журналістів, що працюють в різних літературних жанрах), творчої ради журналу «Драматург», редакційно-видавничої ради альманаху «Потерпілі».

36. **Мізансцена** (фр. mise en scene – розміщення на сцені) – розташування акторів на сцені в той чи інший момент спектаклю (зйомок).

37. **Горбачов Михайло Сергійович** (р. 2 марта 1931) – радянський, російський державний, політичний і громадський діяч. Останній генеральний секретар ЦК КПРС. Останній Голова Президії Верховної Ради СРСР, потім перший голова Верховної Ради СРСР. Перший і останній Президент СРСР.

38. **Горбачова Райса Максимівна** (уроджена Титаренко; 5 січня 1932, Рубцовськ, Західно-Сибірський край, СРСР – 20 вересня 1999, Мюнстер, Північний Рейн – Вестфалія, Німеччина) – радянський і російський громадський діяч, дружина М. С. Горбачова.

39. **Ленінград** – (сучасний Санкт-Петербург (заснований 16 [27] травня 1703; до 18 [31] серпня 1914 – Санкт-Петербург, до 26 січня 1924 – Петроград, до 6 вересня 1991 року – Ленінград) – місто федерального значення Російської Федерації, адміністративний центр Північно-Західного федерального округу. Розташований на північному заході Російської Федерації, на узбережжі Фінської затоки і в гирлі річки Неви. Раніше – столиця Російської імперії.

40. **Петергоф** (від нім. Peterhof – «двір Петра»), з 1944 по 1997 – Петропалац) – Державний музей-заповідник «Петергоф». Пам'ятник світової архітектури та палацово-паркового мистецтва. Включає в себе палацово-парковий ансамбль XVIII – XIX століть – колишню заміську царську резиденцію, перетворену в музей після націоналізації 19 травня 1918 року. Сучасний статус музей-заповідник отримав в 1990 році.

41. **Горіховий острів** – (фін. Rđhkindsaari) – невеликий острів у витоку Неви.

42. **Шліссельбург** – відома як Петрокрепость, Горішок, Нотебург. Фортеця розташована на острові біля витоку Неви з Ладозького озера. Чимало яскравих подій, пов'язаних з тривалою боротьбою між росіянами та шведами за Невські береги, відбулося в її долі. З XVIII століття фортеця Горішок використовувалася як політична в'язниця.

43. **Петро I** (Петро Олексійович Романов; 1672 – 1725) – останній цар всієї Русі з династії Романових (з 1682 року) і перший Імператор Всеросійський (з 1721 року). Великий реформатор.

44. **Заячий острів** – (финское название Янисари, фин. Jdnissaari) – острів в гирлі Неви, на якому 16 (27) травня 1703 року була закладена Петропавлівська фортеця.

45. **ЧК** – ВНК РНК РСФСР – Всеросійська надзвичайна комісія з боротьби з контрреволюцією і саботажем при Раді народних комісарів РРФСР (1917 – 1922). Утворена 7 (20) грудня 1917 року. Ліквідована з передачею повноважень Державному політичному управлінню (ДПУ НКВС РРФСР) при НКВС РРФСР 6 лютого 1922. ВЧК була органом «диктатури пролетаріату» з захисту державної безпеки УРСР, «керівним органом боротьби з контрреволюцією на території всієї країни». ВЧК мала територіальні підрозділи для «боротьби з контрреволюцією на місцях».

Додаткова інформація про респондента:

Прізвище, ім'я, по-батькові: Новиченко Вероніка натоліївна.

Рік народження: 1960.

Місце народження: м. Запоряжжя, Україна.

Професія: вчитель молодших класів.

Освіта:

1978-1982 – Марійський державний університету (м. Йошкар-Ола).

Місця роботи:

1990-1991 – середня загальноосвітня школа м. Сніжне; вчитель початкових класів.

2000-2004 – дом творчості м. Сніжне, керівник театального гуртка.

2000 – 2004 – дистриб'ютор «Оріфлейм».

З 2012 – на момент інтерв'ювання – гуртожиток Сніжнянського машинобудівного заводу, вихователь.